

Рожденный стать Богом

Книга 2

Александр Юшин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Юшин

Рожденный стать

Богом Книга 2

<https://litres.ru/74088394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли привыкнуть к концу света, если он длится десятилетия? Можно ли сохранить себя, когда система требует стать инструментом?

— Я создан не для сомнений. Моё тело — совершенный механизм, мой разум — острое холодное лезвие, моя воля — стальной стержень. Я делаю то, что должен. Я не задаю вопросов. Я — оружие, которое не знает промаха.

— Может, и так, мальчик мой. Но рано или поздно всё изменится. И однажды ты заметишь, ты начнёшь считать. Считать тех, кто остался за спиной. Считать тех, кого уже не спасти. И однажды ты поймёшь, что самый опасный враг — не тот, что прячется в тени. А тот, кто сидит в дорогом костюме и говорит тебе разумные вещи. Тот, кто сделал тебя таким. И тогда ты начинаешь задавать вопросы, которые не должен был задавать. И с каждым ответом твой мир — такой понятный, такой выверенный — будет давать новую трещину.

Потому что правда — это не свет в конце тоннеля. Правда — это то, что убивает тебя медленно. По капле. По шагу. Но без неё ты уже не сможешь дышать.

Содержание

1	5
2	16
3	29
4	38
5	47
Интерлюдия 1	61
6	73
7	89
8	97
9	107
10	120
11	132
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Александр Юшин

Рожденный стать

Богом Книга 2

1

Раскалённый стальной шар плавно вошёл в правый висок. Медленно прожигая и продавливая себе дорогу прямо через мозг, он, описав дугу, вышел наружу уже через левый висок. После того как шар покинул пределы черепной коробки, стало гораздо легче. Боль, как ни странно, довольно быстро отступила. Но вот шар, описав круг, снова коснулся своей раскалённой поверхностью кожи у правого виска. По новой прожигая и проламывая височную кость, он стремился добраться до нежной мозговой ткани. Только что проделанный в мозгу туннель уже успел как-то затянуться, и раскалённый шар принялся разрывать себе в нём новую дорожку. Процесс всё повторялся и повторялся. Шар раз за разом описывал круг, проходя прямо через голову. Он не замедлялся и не ускорялся, не менял направления, двигаясь строго по одному и тому же радиусу. Если бы ад существовал на самом деле, то наверняка эта пытка стала бы у сатаны самой любимой.

Вдруг размереннодвигающийся по своему маршруту шар неожиданно резко запрыгал в голове. По идее это должно было разорвать мозг и превратить его в отвратительное месиво. Но почему-то не разрывало. Скорее даже напротив — шар быстро остыл и перестал причинять ту дикую боль, которую доставлял до этого. И вот он полностью растворился, словно его и не было. А вместе с ним исчезли и остатки боли.

— Эй! Проснись! Да проснись же ты наконец! — взволнованный женский голос. Он доносился будто из параллельной вселенной. Кто-то активно и настойчиво трясёт меня за плечи. — Просыпайся, чёрт возьми! — и вот этот голосок и его обладательница из параллельной вселенной просачивается в нашу и обретает вполне физически осязаемую сущность. Резкий тычок острым локотком в бок развеивает последние сомнения в реальности происходящего.

— Ты что такое творишь?! — продолжать и дальше игнорировать такую беспардонную настойчивость было уже невозможно.

— Ну наконец-то! — с облегчением выдохнула девушка. — Я уж было решила, что ты сейчас отъедешь прямо у меня в постели! — она закрыла лицо руками.

— Да успокойся ты! Я в норме. Просто голова чертовски сильно болела, но сейчас я в порядке.

— Это было ужасно... Просто ужасно! Я такого ещё никогда не видела! — панические нотки в её голосе всё ещё никуда не делись. — Я проснулась от того, что ты стонал,

словно испытывая невыносимую боль, и одновременно рычал, как дикий зверь! Потом твоё тело так неестественно извернулось... А как страшно ты хрустел зубами! В тебя будто вселился злой дух или демон! Мне ещё никогда в жизни не было так страшно! Но самое ужасное, что я никак не могла привести тебя в чувство — ты абсолютно никак не реагировал на меня, что бы я ни делала! — Она и правда была сильно напугана. Её подбородок до сих пор дрожал, а милостивое смуглое личико выражало глубокую тревогу.

Вот же дерьмо! Что это со мной такое могло случиться? Какая-то странная хрень... А ещё более странно, что я никак не могу вспомнить эту мулаточку. Ни её саму, ни то, как я оказался у неё в постели.

— Послушай, э-э-э...

— Дениз. Меня зовут Дениз.

— Да, конечно... Извини...

— Ничего страшного — это пустяки... Забыть моё имя — это сущая мелочь по сравнению с тем, что ты чуть не умер прямо у меня в постели. Спасибо и на этом, — она с облегчением выдохнула и откинулась на подушки, тем самым бесстыдно демонстрируя свою небольшую грудь с крупными, острыми сосками.

— Откровенно говоря, твоё имя — это не единственная вещь, которая вылетела у меня из головы. Ты не могла бы освежить в моей памяти вчерашние события? Дело в том, что я вообще ни черта не помню!

— Неудивительно! Вы со своим дружком вчера изрядно так надрались!

— Нельзя ли немного поподробнее? — из событий вчерашнего дня в голове всплывали только какие-то туманные, непонятные образы.

— Могу просветить тебя только насчёт вчерашнего вечера. На момент нашего знакомства ты уже был изрядно навеселе. Скорее всего, помимо алкоголя ты не побрезговал ещё и «дурыю».

— Уверена? Это крайне маловероятно...

— Ага! А ещё ты совсем не пьёшь и ходишь в церковь по воскресеньям! — весело рассмеялась девушка.

— Да, я пою в церковном хоре. И когда только я успел тебе всё о себе рассказать?! — Дениз снова рассмеялась, хоть шутка и не была верхом остроумия. Похоже, её в принципе было нетрудно рассмешить. А может, её смешливость была защитной реакцией на только что пережитый стресс. — Так где мы с тобой всё-таки познакомились?

— В «Гидре».

— Что ещё за «Гидра»?

— Ты типа не знаешь «Гидру»? — её глаза лукаво блеснули. — Это гей-клуб, недалеко отсюда. Я иногда хожу туда отдохнуть.

— Что? Гей-клуб?! Кой чёрт меня понёс туда?

— Да, именно так. Я поначалу решила, что ты в нём работаешь. Но, судя по твоей реакции, — это не совсем так.

— Нет, конечно! А с чего ты вообще взяла, что я в нём работаю?!

— Ну как это «с чего»? С моей стороны было вполне логичным предположить это. Ведь ты танцевал стриптиз на сцене!

— Прости, что я делал?..

— Да, я тоже удивилась, что они выпустили пьяного стриптизёра на сцену. Видимо, охрана не стала тебя прогонять, потому что тамошней публике очень зашло твоё выступление. Это было очень горячо! Знаешь, ты неплохо заработал этим своим перфомансом. Посетители буквально завалили тебя чаевыми! — и тут Дениз не выдержала и расхохоталась.

— Мать твою! Так ты надо мной просто решила поиздеваться!

— Ах, видел бы ты только своё лицо! — простонала она сквозь выступившие слёзы.

— Давай, смейся над больным человеком... — Хоть самочувствие всё ещё было не самым лучшим, но такая беззаботная весёлость девушки и самому неплохо поднимала настроение.

— Прости, твой недуг, безусловно, заслуживает сочувствия... — Дениз утёрла слёзы тыльной стороной ладони и постаралась сделать нарочито серьёзное лицо.

— Рад, что повеселил тебя. Может быть, теперь ты готова рассказать мне: что же вчера всё-таки произошло?

— Уверен, что уже готов к правде? — произнесла она с кинематографически пугающей интонацией.

— Вполне. Хуже того, что ты обо мне только что напридумывала, уже точно не будет.

— Хорошо, как скажешь. Мы познакомились с тобой вчера вечером в «Гидре»...

— Что, опять? Мне кажется, я это уже слышал.

— Да, но можешь не волноваться — стриптиз на сцене ты не танцевал. Может быть, ты, конечно, и хотел это сделать, но что-то тебя остановило. Да и «Гидра» — это вовсе не гей-клуб, а самый обычный «гадюшник».

— Ты сказала, я был не один?

— Да, так и есть. Ты был со своим другом.

— Ты не могла бы вспомнить, как его звали? — *«Мне кажется, что я мог бы и сам всё вспомнить, без помощи Дениз, но почему-то вчерашние события словно окутаны густым туманом. За ним виднеются какие-то неясные образы, и время от времени кажется, что вот-вот удастся вспомнить, но никак не хватает сил разорвать эту пелену».*

— Он сказал, что его зовут Винс.

Точно! Я был вчера с Винсом! Мы договорились с ним встретиться и отметить окончание моего обучения и заодно последующее зачисление на службу...

— И куда же этот сукин сын делся потом?

— Отвалил. Я за ним не следила. Вероятно, у него хватило ума понять, что третий здесь был бы лишним...

Странно это всё... Меня явно накачали вчера какой-то дрянью. Вот только кто и когда мог это сделать? Единственное, что пока приходит в голову — это всё дело рук Винса.

— Хантер, пойдёшь со мной в душ? — Дениз лениво сползла с кровати и потянулась, демонстрируя свою фигуру во всей красе.

— Ого! Один — ноль в твою пользу. Ты даже запомнила моё имя!

— Ну такое забыть будет непросто. Ты представился весьма оригинальным образом. Ты сказал, что тебя зовут Хантер и что ты секретный агент её величества.

— Боже! Как хорошо, что я ничего этого не помню! И надеюсь, что Винс этого не слышал. Потому как если всё-таки слышал, то он будет доставать меня этой историей до конца моих дней.

— Об этом можешь не беспокоиться, — Дениз обернулась в дверях ванной, бросив на него лукавый взгляд. — Поверь, ему было совсем не до тебя.

— Чего ещё я наговорил? Много ли я разболтал правительственных секретов?

— Ты так переживаешь об этом, будто боишься, что я пожалуюсь твоей маме. Расслабься уже. Мне было с тобой весело, мы неплохо провели ночь, а остальное не так важно. Ну а теперь пойдём уже примем вместе душ. И пока ты будешь тереть мне спинку, я постараюсь вспомнить ещё что-нибудь

интересное о тебе и прошедшей ночи, — с этими словами девушка направилась в ванную.

Вставать с кровати ещё совсем не хотелось, но свет солнца, проникающий сквозь плотно закрытые жалюзи, недвусмысленно намекал, что уже давно пора вставать. Ведь сегодня был важный день. Возможно, самый важный день в жизни...

Неожиданно где-то в комнате чуть слышно заиграла знакомая мелодия — звук вызова на терминале.

— Чёрт! Да куда же я его засунул?! — отыскать звонящий терминал среди кучи разбросанных по комнате вещей оказалось не так просто. Но звонящий был весьма терпелив и не оставлял своих попыток дозвониться. В конце концов, объединив усилия с Дениз, всё-таки удалось отыскать злополучный гаджет. На экране надрывающегося устройства высвечивалось имя — Майк.

— Агент её величества на связи, — постарался как можно более точно повторить характер и манеру речи одного весьма известного киноперсонажа.

— Вы снова нужны стране, агент, — последовал ответ после короткой паузы. По голосу говорившего можно было легко понять, что он улыбается, произнося эту фразу, и старается делать это в той же стилистической модели, что и Хантер.

— Пфф... — Дениз с деланным разочарованием закатила глаза, — так это твой стандартный заход. Я-то думала, что ты импровизировал специально для меня, — прошептала она,

скорчив обиженную гримаску, после чего удалилась в ванную в гордом одиночестве.

— Я знал, что вы это скажете, сэр, и ждал вашего звонка.

— Ещё бы ты его не ждал! — Майк уже говорил в своей обычной манере. — Ты даже не представляешь, как я рад тебя снова услышать!

— Взаимно! Тем более, как ты знаешь, последние пару месяцев у меня в принципе круг общения был весьма ограничен.

— Ну, скоро у тебя появится возможность излить все накопившиеся истории о твоих невзгодах и страданиях мне лично.

— Мы сможем с тобой сегодня встретиться? Ты что, будешь на... э-э-э... церемонии?

— Ахах! Церемония? Поверь, это не самое подходящее здесь слово, — рассмеялся Майк. — Нет. Мы встретимся с тобой не на «церемонии», а даже раньше, — Майк выдержал актёрскую паузу. — Я сам за тобой заеду и отвезу тебя до места.

— Чёрт возьми! Да это же отличная новость! Я и не думал, что такое возможно. Я был просто уверен, что тебе сейчас не до меня, был уверен, что у тебя там дел до задницы!

— Ну, «там», видимо, решили, что так будет лучше. Вот и направили именно меня, чтобы я принял пополнение. Да и что касается моей загруженности... Всё не совсем так, как мы с тобой себе представляли, — Майк немного замялся. —

Скажем так — это всё выглядит немного иначе. У нас ещё будет время это обсудить, Хантер. Я заеду за тобой через час. Скинь мне адрес, откуда я должен тебя забрать...

В ванной стоял густой пар. Дениз нежилась под горячими, упругими струями воды, запрокинув назад голову и подставив под них своё лицо. Девушка даже не услышала, что она уже не одна.

— Напугал! — она ощутимо вздрогнула, когда руки Хантера, неожиданно для неё, легли ей на талию сзади.

— Прости. Я не хотел. Просто не думал, что ты так быстро сможешь забыть о присутствии малознакомого тебе мужчины в твоей квартире.

— Ну не такое уж и редкое событие, — бросила она лукавый взгляд через плечо, — могла и забыть...

— Главное, чтобы это не превратилось для тебя в рутину.

— Ну с такими экземплярами, как ты, — это никогда не станет рутиной.

— А вот это прозвучало обидно. Что ещё за экземпляры? Я-то думал, что я такой один, такой, знаешь, весь особенный...

— Может быть, и так... Честно признаюсь, что секретных агентов у меня ещё не было. Как я успела понять из твоего телефонного разговора, ты даже не утруждаешь себя придумыванием новых оригинальных фразочек для знакомства. Действуешь всегда по одному шаблону, агент Хантер... Но, по крайней мере, я хорошо провела время, если не брать в

расчёт твоего жуткого утреннего припадка.

— Ты и правда думаешь, что я каждый день знакомлюсь с девушками, представляясь им секретным агентом её величества?

Дениз замерла на месте, задумавшись над этим вопросом на пару секунд. И даже наморщила лоб, по всей видимости, визуализируя у себя эту картинку в голове. Но не смогла надолго сохранить серьёзную мину и рассмеялась.

— Ладно, мистер Бонд. Считайте, что в этот раз вам повезло — и я поверила. Но кто же в таком случае тебе звонил? Кто ещё тебя знает под этим псевдонимом? Только не говори мне, что это была твоя мама.

— Ты почти угадала. Это был мой брат.

2

От утреннего солнца не осталось и следа. Небо заволочли уже привычные тучи, и моросил мелкий противный дождь. Несмотря на то, что было только лишь двенадцать часов дня, вокруг стало темно, словно уже наступил вечер. Впрочем, подобное явление для Нью-Йорка и большей части восточного побережья уже давно стало нормой. Хантер произвольно поёжился в своём плаще. Тёплая и довольно уютная квартира Дениз, несмотря на царящий в ней беспорядок, была слишком сильным контрастом на этом хмуром фоне. К тому же наличие прекрасной хозяйки в этой самой квартире добавляло ей ещё сто очков сверху.

Вот только хозяйки ли? — произвольно всплыл в голове Хантера вопрос. — Несмотря на то что в квартире было немало вещей Дениз, их тем не менее недостаточно для того, чтобы она стала похожей на место её постоянного проживания. Не хватает всяких мелочей как из гардероба, так и для повседневной бытовой жизни молодой девушки. Я бы мог предположить, что это не единственное её жильё, но Дениз не похожа на богатенькую девочку, владеющую различными объектами недвижимости по всему Манхэттену. Получается, она снимает эту квартиру. Но зачем, если она не живёт в ней постоянно? Вероятно, как раз вот для таких вот случаев. Очень похоже, что эта крошка подраба-

тывает, «снимаясь» в различных заведениях. Но почему тогда она не взяла с меня денег? Искренняя симпатия? Может быть, и так... — вся эта цепочка мыслей выстроилась в голове автоматически, абсолютно произвольно — будто по привычке.

Улица была ещё более пустынна, чем обычно: практически полное отсутствие машин и редкие прохожие, в большинстве своём поспешно и с видимой опаской семенящие по своим делам. Иногда могло показаться, что в случае появления неожиданной опасности они, словно мыши, готовы были шмыгнуть в какую-нибудь, одним только им ведомую, щель в здании или тротуаре и там укрыться. Тем сильнее на их фоне бросался в глаза человек, появившийся из-за угла дома. Он шёл уверенно и ни от кого не таясь, двигаясь прямо посреди тротуара, тогда как другие прохожие машинально жались поближе к стене. Среднего роста, черноволосый, темноглазый, на вид около двадцати пяти лет, фигура же его была скрыта чёрным кожаным плащом.

— Хантер! — Майк распахнул объятия.

— Рад тебя видеть, старина! — братья крепко обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Как тебя занесло в этот район? — осведомился Майк, наконец выпустив брата из объятий.

— О! Это долгая история! Может, поговорим об этом по дороге?

— Да, конечно, — поспешил согласиться Майк. — Тем

более что времени у нас не так много, как хотелось бы, а путь предстоит неблизкий.

Машина Майка была припаркована буквально за углом — стильный новенький седан чёрного цвета.

— Вау! Крутая тачка, Майки! Я хоть ещё и официально не зачислен, но мне уже хочется приступить к работе! Надеюсь, ты там сумеешь договориться, чтобы мне дали такую же?

— Даже не сомневайся! Я обо всём распоряжусь! — засмеялся Майк. — В конце концов, главный смысл нашей работы как раз именно в том, чтобы гонять на крутых тачках, носить стильные шмотки и отлично выглядеть!

Седан отреагировал на их приближение коротким, сухим писком. В этой мёртвой тишине звук показался неоправданно громким. Они сели в машину, и Майк плавно вывел её на проезжую часть.

Манхэттен выглядел как декорация к фильму, съёмки которого забросили много лет назад. Широкие проспекты, рассчитанные на миллионы людей и тысячи машин, теперь пустовали. Редкие остовы брошенных авто, покрытые слоем серой пыли и копоти, выглядели как скелеты доисторических животных. Седан Майка катился почти бесшумно, и этот шелест шин по шербатовому асфальту был единственным звуком в округе.

Вместо привычной городской суеты — гнетущее безмолвие. Огромные рекламные панели на фасадах небоскрёбов всё ещё работали, подчиняясь зацикленным алгоритмам, но

их яркость казалась болезненной. Кислотно-жёлтые и ядовито-розовые проекции падали на пустые тротуары, окрашивая лужи в неестественные цвета. В окнах домов — чернота. Город не спал, он был пуст.

— Посмотри на них, — Майк кивнул на одинокого колёсного бота-курьера, который замер у края дороги. Его корпус был помят, а один из датчиков уныло мигал красным. — Программный сбой. Или энергия кончилась. Чинить их некому, да и незачем, и ресурсов на утилизацию тоже нет. Так и стоят, пока не врастут в асфальт.

Над головой, в тяжёлом небе, изредка пролетал одинокий патрульный дрон. Его жужжание было коротким и нервным — техника тоже работала в режиме жёсткой экономии. Эти «москиты» выписывали рваные зигзаги, экономя заряд батарей, и лишь изредка бросали вниз бледный луч сканера. Время от времени «москит» подлетал к редкому прохожему, чтобы просканировать сетчатку.

— Зачем они это делают? Какой в этом прок? — Хантер проводил взглядом один из дронов. — Даже если они обнаружат свежезаражённого, лекарства он всё равно скорее всего не получит — их и так не хватает. А желающие получить вакцину или лечение обивают пороги госпиталей.

— Они ищут вовсе не заражённых. Как ты верно заметил, их искать не надо, — Майк криво усмехнулся.

— «Конкордат»? — вкрадчиво прищурившись, осведомился Хантер.

— Не только и не столько «Конкордат». — Майк тяжело вздохнул, поправил зеркало заднего вида, хотя смотреть там было не на что. — Повстанцы в последнее время поутихли. Им неплохо досталось за последние полгода, и они сейчас зализывают раны. Сейчас нас, да и полицию тоже, куда больше волнуют эти фанатики — «Аколиты».

— Они же анархисты! Да и появились они относительно недавно. Неужели они настолько опасны?

— Может, они, конечно, и анархисты, — хмыкнул Майк, — но для анархистов они оказались чересчур хорошо организованы. Кто-то накачивает этих фанатиков оружием, и их позиции в Нью-Йорке сейчас особенно сильны. И знаешь, что самое паршивое? Мы понятия не имеем, кто их этими игрушками снабжает.

Они приближались к Бруклинскому мосту. Его стальные тросы, окутанные туманом, казались нитями гигантской паутины. Дорогу перегораживал блокпост — единственное место, где чувствовалась жизнь, пусть и холодная, механическая. Бетонные блоки со следами запёкшейся грязи, мотки колючей проволоки и тусклые прожекторы, направленные на людей, толпившихся у пункта пропуска в ожидании очереди.

У обочины стоял тяжёлый полицейский броневик, его двигатель работал на малых оборотах, издавая низкий, вибрирующий гул. Несколько полицейских проводили досмотр и проверку пропусков у желающих перейти на ту сторону пешком. Ещё двое офицеров в закрытых шлемах лениво гре-

ли руки у электрического обогревателя, выставленного прямо на пост. Увидев уверенно приближающийся автомобиль — довольно редкое явление — один из них нехотя оторвался от своего занятия и не спеша направился к подъезжающей машине.

— Раньше тут были пробки на часы, — тихо произнёс Майк, притормаживая перед шлагбаумом. — Но теперь желающих поубавилось, а режим ужесточили — допрашивают каждую тень. Постарайся не делать резких движений. У этих парней палец на спусковом крючке лежит очень плотно.

Майк плавно притормозил у жёлтой черты, нанесённой прямо на асфальт. Впереди, за бетонными блоками, у самого въезда на мост, также сгрудилась толпа. Они стояли отдельно от общей очереди. Человек тридцать, не меньше. В тусклом свете прожекторов они казались единой серой массой. Люди стояли молча, плечом к плечу, кутаясь в обрывки полиэтилена и старые куртки. Их лица, измождённые и бледные, выражали ту крайнюю степень апатии, которая наступает, когда страх вытесняется голодом и холодом.

Многие из них просто смотрели в одну точку, игнорируя дождь, стекающий по щекам. У них не было пропусков, не было целей — только призрачная надежда, что к утру режим досмотра ослабнет или кто-то из полицейских проявит милосердие. Но полицейские излишним милосердием не страдали.

Фигура подошедшего к машине офицера в массивном

бронезилете казалась неестественно широкой. Он не спеша подошёл к водительской двери седана, лениво постучав по стеклу окованной в пластик перчаткой. Над машиной с противным писком завис дрон, направив линзу сканера прямо в салон.

Майк опустил стекло. В салон тут же ворвался запах озона, мокрого бетона и чего-то сладковато-гнилостного — неизменного спутника умирающих кварталов.

— Заглушить двигатель. Руки на обод, — голос копа, искажённый динамиком шлема, звучал механически.

Майк не стал спорить. Он молча достал из нагрудного кармана тонкую пластиковую карту с золотистым чипом и протянул её офицеру. Тот небрежно принял карту и приложил к своему ручному терминалу.

Раздался мелодичный сигнал — звук, который в этом месте слышали крайне редко. Экран терминала на мгновение залил лицо полицейского ярко-синим светом. Офицер замер. Он перевёл взгляд с экрана на Майка, затем на Хантера и снова на экран.

— Спецпропуск «Альфа-1»? — в голосе копа сквозь помехи прорезалось нескрываемое удивление. Он даже чуть приподнял визор шлема, чтобы рассмотреть водителя своими глазами. — Парень, тебе сколько лет? Двадцать?

— У меня очень плотный график, офицер. Вы закончили? Или вас надо ускорить принудительно? — Майк в упор уставился на назойливого копа.

Полицейский ещё секунду колебался, явно раздумывая, не является ли это какой-то ошибкой системы или подделкой невероятного качества. Но «Альфа-1» не подделывали — за такое обнуляли на месте без суда.

— Проезжайте, — буркнул коп, возвращая карту. Он махнул рукой напарнику у пульта. — Первый пост, пропустить объект! Живее!

Тяжёлый стальной шлагбаум с лязгом пополз вверх. Толпа у обочины зашевелилась. Десятки глаз — голодных, завистливых, лишённых надежды — уставились на чёрный седан, который беспрепятственно проезжал туда, куда им путь был заказан.

— Ты видел их глаза? — тихо спросил Хантер, когда они въехали на пустынное полотно моста.

— Привыкай, — Майк сжал руль чуть сильнее, чем требовалось. — Теперь ты по другую сторону забора. И поверь, такие взгляды будут преследовать тебя повсюду.

Машина съехала с Бруклинского моста, и первое, что бросилось в глаза, — ряды брошенных автомобилей и кучи мусора, стиснутые между бетонными ограждениями. Кто-то пытался расчистить проезд, сдвигая всё к обочинам, но кое-где приходилось объезжать обломки, протискиваясь в узкие проходы.

— А здесь день ото дня всё красивее и красивее. Даже как-то уютно, по-домашнему. — Хантер взглядывался в разбитые витрины магазинов, в обгоревшие остовы фургонов.

— Полиция сюда почти не суётся. Разве только для того, чтобы провести карательный рейд. — Майк сбросил скорость, объезжая очередную воронку. — Формально они всё ещё контролируют район, но реально — только наиболее важные дороги.

— И кого же полиция карает во время своих рейдов? Кошмарят «Аколитов»?

— Если бы! — Майк недовольно скривился, будто хлебнул лимонного сока. — Основное их занятие — разгон недовольных. Люди, видишь ли, иногда имеют наглость требовать еды и медицинской помощи. А это сейчас считается недопустимым. Вот полиции и приходится применять силу.

— Не думаю, что такие прямолинейные меры имеют хоть какой-то положительный эффект.

— Ещё бы! Из-за действий полиции ряды «Аколитов» и повстанцев «Конкордата» каждый день пополняются новыми добровольцами! Иногда мне кажется, что кто-то наверху сознательно толкает нас в пропасть

На стенах домов, на облупившейся штукатурке, на глухих металлических ставнях пестрели яркие граффити. Красные буквы складывались в перечёркнутый круг, стилизованную букву «А», короткие лозунги: «Государство — тюрьма», «Нет власти — нет вируса».

— «Аколиты», — кивнул на рисунки Майк. — Метят территорию. Показывают, что здесь они хозяева, даже если их самих не видно.

— А мы?

— Мы контролируем большую часть Лонг-Айленда, а сюда не суёмся. Только наблюдаем.

Они ехали мимо невысоких заброшенных на вид зданий, время от времени натываясь на горящие бочки, возле которых грелись немногие из уцелевших горожан. В нескольких кварталах в стороне от дороги, по которой ехали братья, раздались выстрелы.

— А вот и то, о чём я тебе говорил, — полицейские, судя по всему, отрабатывают свой хлеб, — мрачно констатировал Майк.

— Ты становишься всё мрачнее и мрачнее с каждой минутой, что мы здесь находимся. Неужели ты ещё не привык ко всему этому?

— Знаешь, мне кажется, к такому нельзя привыкнуть. Нам с тобой относительно повезло родиться и вырасти в глубине Лонг-Айленда. Нашим родителям удалось оградить нас от большей части всего этого дерьма, что стряслось с миром после начала пандемии «Энтропии». А потом ещё и «Конец света» Но они как смогли защитили нас и от этого. Потом учёба в Академии «Оплота», спецподготовка, прохождение итоговых испытаний И вот мы здесь! С ходу погрузились в это с головой, по самую макушку. Всё оказалось не так однозначно, как нам с тобой когда-то казалось, Хантер. Но учти — я тебе этого не говорил

На светофоре, который, как ни странно, продолжал ми-

гать жёлтым, к машине шагнула женщина. Она воспользовалась тем, что Майк ненадолго остановился, оценивая, как бы ему получше объехать ямы и кучи хлама на дороге. Она была в грязном пуховике и сжимала в руках спящего ребёнка. Её лицо, серое от усталости, прижалось к стеклу со стороны Хантера.

— Пожалуйста, — сказала она, но слов почти не было слышно из-за шума двигателя. Её глаза — огромные, с красными веками — смотрели прямо на Хантера.

Майк, не глядя на неё, снова нажал на педаль газа. Женщина осталась позади, её отражение растаяло в зеркале заднего вида.

— Если я начну подбирать всех, кто просит, мы не проедем и трёх кварталов.

— Не оправдывайся, — улыбнулся Хантер. — Это и так очевидно. Она не первая и не последняя.

И вот Бруклин остался позади. Дорога тем временем наконец улучшилась и стала вполне пригодной для нормальной езды. Впереди показались могучие бетонные укрепления и монументальная арка, на которой красовалась надпись: «Оплот. Вместе к порядку».

— Мы въезжаем в зону ответственности «Оплота», — зачем-то прокомментировал очевидное Майк. — Здесь ещё не рай, но уже не Бруклин.

На КПП их встретили двое бойцов. В отличие от чёрно-синей формы полицейских, спецназовцы были облачены

в «Хамелеоны» с нашивкой в виде стилизованной крепостной стены. Очевидно, они знали машины агентов своего ведомства, но по инструкции обязаны были соблюдать протоколы безопасности, поэтому держали оружие наготове. Кроме того, Хантер заметил целых две автоматических турели.

Майк опустил стекло, протянул ту же пластиковую карту с золотистым чипом.

— Агент Майкл Майерс. Со мной мой брат, Хантер Майерс, он в списках на допуск.

Сержант пробежался по экрану, сверил лица, кивнул.

— Добро пожаловать домой, сэр, — сказал он и махнул рукой.

Шлагбаум поднялся. Машина въехала в освещённый коридор между бетонными блоками, и Хантер почувствовал странное волнение, которого не было ранее. Возможно, это было всего лишь предвкушением того, к чему они с братом шли долгие годы.

— Агент Майерс, — повторил он, глядя на брата. — Звучит пафосно.

— На деле — бесконечные отчёты, нехватка людей и постоянное чувство, что мы латаем дыры в тонущем корабле, — Майк усмехнулся, но в его глазах не было веселья. — Так что надеюсь, впереди нас будет ждать работа полезнее, чем та, которой я занимаюсь сейчас.

Они двинулись дальше, оставляя позади блокпост. Впереди, на горизонте, уже виднелись огни тёмной громады зда-

ния, больше похожего на крепость. Там, где когда-то были богатые пригороды, теперь расположился штаб «Оплота».

3

— Поздравляю, агент Майерс! — такими словами завершил принятие присяги от новобранца директор Скиннер и протянул ему жетон. — Теперь вы часть системы. Не разочаруй меня, сынок.

— Да, сэр.

— Вольно, агент, — Скиннер усмехнулся уголком губ. — Здесь вам не полицейский участок. Присаживайтесь. — Он указал кивком на стул, а сам занял своё место — высокое кресло с подлокотниками, больше похожее на трон. На столе не было ничего лишнего — только несколько больших мониторов компьютера. — Теперь, когда с официальной частью покончено, — продолжил Скиннер, — мне хотелось бы понять, кто передо мной.

Голос Скиннера был низким и вкрадчивым, с хрипотцой, как у человека, который привык говорить приказами, а не просьбами. Внешне директор «Оплота» Джон Скиннер больше напоминал опытного политика старой школы, привыкшего выступать перед избирателями и раздавать интервью журналистам, чем бравого суперагента секретной службы. Это был мужчина среднего роста, лет шестидесяти — шестидесяти пяти, стройный, с идеальной осанкой, седыми волосами, старомодно зачёсанными набок, и в дорогом деловом костюме. И только прищуренные светло-серые глаза,

которые, казалось, видели всё и сразу, могли выдать этого старого лиса. Хотя такие глаза могли бы быть и у политика. Почему нет?

— Я готов к службе, сэр.

Пожалуй, самый беспроблемный ответ, когда твоё новое начальство задаёт подобные пространные вопросы.

— Готов? — Скиннер медленно кивнул, будто проверяя что-то про себя. — Расскажи мне, Хантер, как ты видишь нашу работу. Что мы делаем?

— В первую очередь я, как агент, который только что поступил на службу, собираюсь исполнять ваши приказы, сэр.

Скиннера не могло не позабавить деланное нарочитое простодушие новобранца. Он негромко рассмеялся, мелко покачивая головой, как бы одобряя полученный ответ.

— Это чудесный ответ, агент Майерс! Вы далеко пойдёте, если будете в дальнейшем придерживаться этого простого правила. Но всё-таки меня интересует именно ваше видение деятельности нашей организации.

Глаза Скиннера просвечивали будто рентгеном. Причём Хантеру показалось, что это не просто сканирование. Складывалось впечатление, что директор ищет в своём новобранце что-то конкретное, будто ожидает разглядеть в нём какой-то... дефект?

— Мы обеспечиваем порядок там, где другие не справляются. Мы объединили в себе наиболее эффективные части специальных служб и силовых структур. Мы — щит и меч

нашей страны, мы — её оплот, сэр.

— Всё верно. — Он наклонился вперёд, опираясь локтями на стол. — Мы защищаем идею. Идею о том, что государство ещё живо. Что законы ещё работают. Что завтра не наступит окончательный хаос. На нас возложена важнейшая миссия, и мы должны её выполнять, используя все доступные нам средства. Я хочу быть уверен, что вы чётко понимаете это, агент Майерс.

— Слова принесённой присяги для меня не пустой звук, сэр. Как вам наверняка известно из моего досье, мой отец был аналитиком в ЦРУ, а мама — агентом АНБ. Всю свою жизнь, сколько я себя помню, я и мой старший брат мечтали пойти по их стопам. И вот наконец мечта исполнилась.

— Хорошо. — Скиннер снова откинулся в кресле. — Я слышу то, что и хотел услышать. — Директор будто бы и правда был удовлетворён ответом, однако его глаза всё так же продолжали просвечивать собеседника, а с помощью своих, казалось бы, безобидных вопросов он продолжал простукивать, будто въедливый мастер за работой, своё изделие на предмет некоего скрытого дефекта. — Значит, тебе, как и твоему брату, было предначертано судьбой оказаться в этом кабинете. Знаешь, Хантер, твой брат — хороший агент. Я вижу в нём большие перспективы. Но иногда мне кажется, что он слишком мягок. Слишком много жалости. В наше время это роскошь, которую мы не можем себе позволить. А ты, Хантер? У тебя есть жалость?

— Я понимаю, о чём вы, сэр. Иногда излишняя эмпатия может помешать выполнению долга, но я верю, что когда придёт время, я не подведу «Оплот» и сделаю то, что должно. Как и Майк. Нас к этому готовили, и я не сомневаюсь, что делали это хорошо.

Прочесть мысли директора Скиннера было задачей нетривиальной, и всё же Хантеру показалось, что ему удалось немного унять его сомнения.

— Рад это слышать, агент. Здоровая уверенность в своих силах, решимость и высококласная подготовка иногда значат в нашем деле не меньше, чем опыт. — Скиннер на секунду замолчал в раздумье, подбирая подходящие слова. — Знаешь, а ведь ты и твой брат тоже являетесь своеобразным экзаменом для всей нашей организации, ведь вы первые в своём роде. Важная миссия возложена не только на вас двоих, но и на всех нас, на меня в конце концов. И от того, как мы все с ней справимся, возможно, зависит будущее

— Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы оправдать оказанное нам доверие, сэр!

Надеюсь, мои ответы звучат не слишком пафосно. Не хотелось бы, чтобы меня сочли скудоумным в первый же день. Но этот старый лис так старается залезть ко мне в душу, что не хочется его разочаровать, недостаточно выказав свой пыл. Как ловко и быстро он посадил новичка в одну лодку с собой и всем «Оплотом». Я с первого дня, с первой минуты должен чётко ощутить себя частью команды.

Старик великолепен! Вот почему именно он сейчас сидит на этом месте.

— Прекрасно, агент! Это именно то, что я хотел услышать! Теперь к делу. В нашем медицинском центре на территории комплекса за вами закреплён особый специалист, который будет следить за вашими показателями, — доктор Ченг. Он лично принимал участие в разработке биомодификаций, которые получили вы и ваш брат. Вы обязаны находиться с ним в постоянном контакте и сообщать о любых изменениях в своём самочувствии. Также я назначу вам куратора — одного из опытнейших наших агентов. Он введёт вас в дела и первое время будет направлять вашу деятельность. А сейчас моя помощница Астрид проведёт вам краткую экскурсию по комплексу и покажет ваше рабочее место. На этом пока всё, агент Майерс. Ещё раз поздравляю вас с поступлением на службу.

— Спасибо, сэр! — Скиннер кивнул, прощаясь, и одновременно давая понять, что аудиенция окончена.

Хантер вышел из кабинета директора и оказался в просторной приёмной. Массивный стол секретарши, кожаные диваны для ожидающих приёма посетителей и большие мониторы на стенах. Всё это резко контрастировало с общим милитаристским антуражем комплекса. У дальней стены, сложив руки за спиной, стояла высокая женщина в ультракороткой юбке и светло-сером жакете. Светлые волосы уложены в идеальный пучок, макияж безупречен, на ногах —

туфли на шпильке. Длинные ноги, тонкая талия, фарфоровая кожа. Она словно сошла с обложки журнала о корпоративной элите.

— Агент Майерс, я Астрид, помощница директора, — представилась она с приветливой улыбкой. — Приятно познакомиться. Мне поручено провести вам экскурсию. Прошу, следуйте за мной.

Астрид говорила по-деловому, без лишних жестов. Её каблуки звонко цокали по бетонному полу, но шаг был размеренным — таким, чтобы Хантер мог идти рядом.

Коридоры «Оплота» оказались ещё более милитаризованными, чем могло показаться на первый взгляд. Под потолком, в стратегически важных точках, висели автоматические турели — чёрные, с лёгким жужжанием сервоприводов. Камеры наблюдения медленно поворачивались, отслеживая движение. Двери в ключевых переходах были бронированы и с биометрическими замками. Астрид прикладывала к сенсору свою карту, и двери с шипением открывались.

— Не пугайтесь турелей, — она заметила взгляд Хантера. — Они запрограммированы на угрозы, а не на новичков. — Астрид подмигнула. — К тому же я с вами, так что вы в безопасности.

— О, это обнадеживает, — усмехнулся Хантер. — Вы и правда способны разобраться с турелями, если вдруг что-то пойдёт не так?

— Не сомневайтесь. Я полностью контролирую ситуацию.

Уж поверьте, я пользуюсь у них особым уважением.

— И любовью, надо полагать?

— Вероятно, — улыбнулась девушка. — Медицинский центр в восточном крыле, — продолжила она уже серьёзнее. — Там лаборатории и кабинеты для обследований.

Они прошли мимо поста охраны: двое бойцов в бронежилетах, с автоматами на изготовку. Один из них кивнул Астрид, даже не взглянув на Хантера.

— Ваше рабочее место — в западном крыле, третья секция, кабинет 307. — Она свернула в боковой коридор, где турелей стало ещё больше. — Там же аналитический отдел и архив. Доступ к материалам архива ограничен и зависит от вашего индивидуального уровня.

Хантер молча слушал, запоминая маршрут.

— Вопросы есть? — спросила Астрид, остановившись у лифта.

— Как отличить восточное крыло от западного в этом лабиринте? — спросил Хантер, кивнув на бесконечные серые стены.

— Цвет маркировки, — она показала на едва заметную синюю полосу у плинтуса. — Синий — восток, зелёный — запад, красный — юг. Северное крыло отмечено жёлтым, но туда вам пока без спецдопуска нельзя. Спросите меня, как туда попасть, — она хитро прищурилась, — я ничего не скажу.

— Эй! Это я тут секретный спец-агент! Какого чёрта? —

деланно возмутился Хантер.

— Да, вас не проведёшь! Действительно спец-агент. Ну хорошо — вы меня раскусили. Конечно, вам туда тоже можно.

Лифт прибыл, двери разъехались. Астрид вошла первой, Хантер следом. Сенсорные панели лифта, как оказалось, тоже реагировали на команды только после касания карты допуска. Уровень безопасности в «Оплоте» уже начинал казаться Хантеру даже избыточным.

— А вы, Астрид, вы тоже агент? — спросил Хантер, пока она прикладывала карту.

— Конечно. Личный агент директора Скиннера и его правая рука. Тут в основном всё как раз на мне и держится, — рассмеялась Астрид.

Личная помощница директора «Оплота» производила своей жизнерадостностью удивительное впечатление. Настолько чужеродно это явление выглядело в максимально брутальной окружающей обстановке. Впрочем, за стенами комплекса такое жизнелюбие, наверное, смотрелось бы ещё более дико на фоне катастрофического положения значительной части гражданских масс.

Лифт остановился, двери открылись в просторный холл с высоким потолком и огромным гербом «Оплота» на стене. Под потолком — сдвоенные турели, направленные на вход.

— Главный атриум. Здесь собрания и брифинги. Ваш кабинет — направо, третий коридор.

Она довела его до двери с номером 307. Сенсор считывателя карт у двери мигал красным. Астрид приложила свою, дверь открылась.

— Располагайтесь, агент Майерс. Если возникнут вопросы, вы сможете связаться со мной через внутренний терминал. Туда уже занесены все контакты, которые вам могут понадобиться.

Хантер зашёл в кабинет — небольшая комната со столом, на котором расположились компьютер и терминал, удобным на вид креслом, двумя стульями и шкафом у стены. Ничего лишнего.

— Спасибо, Астрид, — сказал он, обернувшись.

— Добро пожаловать в «Оплот», агент Майерс. Удачи. — Она улыбнулась и вышла, притворив дверь.

Дверь за Астрид закрылась с мягким щелчком, и в кабинете повисла тишина — плотная, почти осязаемая, нарушаемая лишь едва слышным гулом вентиляции где-то за потолком.

Хантер медленно обошёл комнату, рассматривая детали. Основательный стол с матовой поверхностью, на котором не было ни пылинки. Компьютерный терминал вмонтирован в столешницу — экран тёмный, но сенсорный индикатор мигал зелёным, показывая готовность к работе. Рядом — панель внутренней связи. Удобное кресло на регулируемой высоте, два жёстких стула для посетителей, платяной шкаф, сейф в стене.

Могли бы постараться создать чуть больше уюта для будущего суперагента, но видимо решили не перенапрягаться с дизайном. Ничего лишнего. Функционально, аскетично, грубовато и безвкусно. В общем, мне нравится. Всё именно так, как я и хотел. Даже запах здесь казённый — чистящие средства, озон от турелей, металл. Класс!

Он сел в кресло, откинулся на спинку. Жёстко, но с хорошей поддержкой. Провёл рукой по столу — холодный камень или качественный композит. В выдвижном ящике обнаружили несколько пустых папок, ручки, блокнот. Всё новое, неиспользованное.

Серьёзно? Бумага и ручки? Не видел их уже лет десять. Где же я ещё мог встретить эти артефакты, как не в самой технологически нафаршированной военизированной организации? Наверное, это для того, чтобы я мог развлечь себя оригами — не иначе.

Хантер достал из кармана служебный жетон, который вручил ему Скиннер. Тяжёлый, из тёмного металла, с выгравированным номером и гербом «Оплота». На обороте — короткая надпись: «Bastion. We stand».

— We stand, — тихо повторил он, взвешивая жетон на ладони. — Значит, я теперь часть этого. Часть стены. Наконец-то.

Он положил жетон на стол и включил терминал. Экран загорелся, запрашивая карту допуска. Хантер приложил карту к сенсору — система загрузилась, выведя на экран личное досье: «Майерс Хантер, агент 1-го класса, допуск „Альфа-1“».

Да здравствует всезнание и всеведение! По крайней мере именно так мне в академии презентовали всемогущую базу данных «Оплота». Здесь можно найти полную информацию о любом человеке или организации.

В дверь постучали — три коротких, негромких удара.
— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появилась женщина в полевой форме агентов «Оплота». Невысокая, с тёмными короткими волосами, лицо чуть грубоватое, но её карие гла-

за смотрели на Хантера с дружелюбным любопытством, что сильно сглаживало общее маскулинное впечатление. На первый взгляд ей можно было дать около тридцати пяти лет, но, чуть присмотревшись, Хантер понял, что его посетительнице, скорее всего, не меньше сорока.

— Агент Майерс? — она протянула руку для приветствия. — Меня зовут Беатрис Дуарте, агент второго класса. Директор Скиннер попросил меня присмотреть за тобой. — Она улыбнулась.

Хантер пожал её руку. Ладонь сухая, тёплая и довольно крепкая для женщины. Однако в глаза сразу бросилось: свою левую руку Беатрис держала неестественно, а движения её были слегка угловаты. Возможно, другой человек и не обратил бы внимания на такую мелочь, но от Хантера это не укрылось. К тому же её выдавало чуть различимое жужжание сервомеханизмов — левая рука Беатрис была, судя по всему, очень качественным полумеханическим имплантом. Причём, судя по тому, насколько уверены и точны были её движения, этот имплант был у неё уже давно и успел как следует синхронизироваться с мозгом своей владелицы.

— Рад знакомству, — ответил он. — Значит, ты и есть мой куратор?

— Именно! — Беатрис, не дожидаясь приглашения, села на один из жёстких стульев, вальяжно положив ногу на ногу. — Первое время помогу освоиться, введу в курс дел, подстрахую, если что пойдёт не так. По любому вопросу или

нестандартной ситуации ты должен в первую очередь обращаться ко мне. Считай меня старшей сестрой или своей второй мамочкой, как тебе больше нравится.

Старшая сестра, значит, ну ок! Судя по всему, ты сторонница неформального общения с коллегами. Если она и раньше занималась работой с новичками, то, наверное, такой подход был наиболее продуктивен по её мнению.

— Звучит разумно. Я только за. — Он тоже сел, чуть подавшись вперёд. — И что мне делать первым делом?

— Для начала — выдохнуть. — Беатрис откинулась на спинку стула. — Ты только что принёс присягу, получил допуск, осмотрел кабинет. Успехов уже достаточно. А завтра с утра — первое задание.

— Могу я узнать, какое?

— Можешь. — Она выдержала паузу. — Твоё задание — помогать мне вести расследование.

— Звучит как исчерпывающе точная инструкция.

— Вот и отлично. — Ни капельки не смутилась Беатрис, будто и вовсе не заметив иронии в словах Хантера. — Тогда перейдём к следующему пункту. Так уж вышло, что я изначально довольно глубоко погружена в совместный проект «Оплота» и «Вигор Медикал» (Vigor Medical). Можно даже сказать, я была у истоков. Соответственно, я в полной мере владею информацией, связанной с тобой и Майком. — Она снова сделала небольшую театральную паузу. — И информацией по биомодификациям, которым вы подверглись.

Ага. Как и полагается мамочке, — отметил про себя Хантер.

— Я бы удивился, если было бы иначе. Всё-таки мы вместе работаем. Более того — ты назначена моим куратором.

— Всё верно, — продолжила Беатрис, — однако учти, что ты и твой брат на данный момент являетесь частью особо секретных разработок. Более того — вы единственные в своём роде, и на вас возложена огромная ответственность.

— Да, мэм. Я помню инструкции наизусть.

— И всё-таки я хочу обратить твоё внимание, что большая часть твоих новых коллег не должна знать о ваших с Майком особенностях. Ни рядовые, ни офицеры спецподразделений не знают о вас ничего. Общей информацией о ваших модификациях обладают только агенты, а это менее двух десятков человек. Полный же доступ есть только у директора Скинера, у доктора Ченга и у меня.

— Я понял. Но не привлеку ли я к себе излишнего внимания со стороны наших коллег из подразделений спецназа «Оплота» во время операций? Ведь весь смысл этих модификаций был в повышении моих физических способностей. И рано или поздно я должен буду применить их на практике.

— Не волнуйся об этом. Все наши агенты уже имеют высокклассные механические модификации. — Как бы визуально подтверждая свои слова, Беатрис продемонстрировала свою левую руку. Внешне её было почти не отличить от настоящей. — Так что ты скорее всего не привлечёшь излиш-

него внимания с их стороны. Ну а если и привлечёшь, то ты не обязан перед ними отчитываться. Да, костяк «Оплота» в основном состоит из специализированных силовых подразделений, а наше подразделение специальных агентов было основано относительно недавно, но тем не менее мы сейчас играем здесь ключевую роль. Хотя агенты и не так часто взаимодействуют с силовым блоком, но когда совместные операции всё-таки проводятся, главенствующую роль в них занимаем именно мы. Понимаешь, о чём я?

— Думаю, да. Я должен просто слать всех любопытных на хер, и все их догадки останутся всего лишь догадками.

— В точку! — рассмеялась Беатрис. — Кажется, ты уже начал разбираться, как и что тут устроено. Думаю, ты отлично впишешься в наш маленький и дружный коллектив.

— Я стараюсь, мэм.

— И теперь для тебя наверное не станет большим открытием, если я тебе скажу, что спецназовцы нас немного недолюбливают.

— Поверить не могу! Неужели обижаются на то, что у агентов заведено ставить этих выскочек на место? Да что они о себе возомнили?

— Ну тише, тише, не переигрывай, — успокаивающе подняла руку Беатрис. — На самом деле не всё так просто. Наверное, вываливать тебе всю внутреннюю кухню в первый же день не совсем правильно с моей стороны... Ну да ладно! Видишь ли, всё идёт с головы, если так можно выразиться.

Ведь изначально «Оплот» — это детище генерала Стоуна. Он его создал и лично набрал людей, начиная от офицеров и заканчивая рядовыми.

— Да, я знаком с историей создания «Оплота». И генерал Артур Стоун — герой, спасший Соединённые Штаты от полного распада.

— Не сомневаюсь в твоих академических знаниях. — Бетрис снисходительно улыбнулась. — Но, как мне кажется, в академии тебе не рассказали, что генерал не очень-то обрадовался, когда правительство накинуло ему хомут на шею и попыталось бюрократизировать созданную им структуру. В начале генерал Стоун обладал могуществом, которое даже не снилось другим высоким чинам Пентагона. «Оплот» был его личной армией! Высокопрофессиональной, мотивированной и великолепно вооружённой. А главное — лично преданной самому генералу. Однако «Оплоту» нужно было финансирование и медийная поддержка. Хоть генерал и был очень популярен в народе, но люди всегда начинают нервничать, когда военные получают слишком много власти. И так шаг за шагом «Оплот» стал частью государственного и оборонного механизма. В итоге «Оплот» из чисто военной организации был преобразован в формально гражданскую службу, как, например, АНБ, ФБР или полиция. А стало быть, возглавить «Оплот» теперь должен был гражданский специалист. Им стал директор Скиннер, который уже имел большой опыт руководства, в том числе и в ЦРУ. После чего пре-

зидент с согласия сената назначил его ещё и директором национальной разведки. Такой шаг позволил максимально усилить разваливающиеся в творящемся хаосе разведслужбы, собрав все нити в один узел и дав им в руки увесистую дубину в виде военизированной структуры «Оплота».

— Ну а создание нашего отдела соответственно стало закономерным итогом этих перемен?

— Само собой. Многие из агентов раньше уже либо работали под началом Скиннера, либо были хорошо с ним знакомы. Теперь мы не входим в состав министерства обороны, а напрямую подчиняемся директору национальной разведки, который в одном лице ещё и руководитель «Оплота».

— В одном лице — лице директора Скиннера. Что ж, это очень удобно. Как мы видим, подобное устройство уже показало свою эффективность. Пока «Конкордат» вёл открытые боевые действия, генерал Стоун отлично справлялся и сам. В результате повстанцы потерпели поражение. Но когда они ушли в подполье и занялись террором, армия оказалась практически бессильна...

— Оу! — удивлённо округлила глаза Беатрис. — Неужто это вам в академии позволили подобные формулировки?

— Нет, это я сам. Только тсс. Не выдавай меня.

— Да, ты конечно прав. Несмотря на весь свой героизм и опыт, генерал Стоун оказался абсолютно бессилён. А тут ещё и «Аколиты» появились. В своих устремлениях сеять хаос на улицах они превзошли даже «Конкордат». А теперь

мы с тобой и ещё несколько агентов должны это всё расхлёбывать.

— Не терпится начать.

— Вот и отлично. — Беатрис встала. Она сделала шаг, и Хантер заметил лёгкую асимметрию в походке — левая нога чуть отставала, будто туловище перетягивало в сторону. *Судя по всему, Беатрис успела побывать в серьёзных переделках, раз несмотря на всю мощь медицинского корпуса «Оплота» её так и не смогли восстановить полностью.* — А сейчас у тебя есть пара часов, чтобы освоиться с терминалом, изучить базу, почитать сводки. Если нужна будет помощь — я в кабинете 312, через три двери отсюда.

— Обещаю заглянуть. Уверен, твой кабинет гораздо уютнее этого.

Она направилась к выходу, но на пороге обернулась.

— И да, Хантер — ты мне нравишься. Голова у тебя работает, как я вижу. Нам нужны такие, как ты. Правда. Думаю, мы с тобой сработаемся.

Хантер спал крепко, но чутко — месяцы тренировок в академии и биомодификации, ускоряющие восстановление, приучили организм отдыхать глубоко, но оставаться настороже. Поэтому, когда терминал издал спокойный, негромкий сигнал, он открыл глаза мгновенно, включившись — словно подражая устройству, которое его разбудило. Протянул руку к тумбочке, нащупал холодный корпус и провёл пальцем по сенсору. Экран мигнул, высветив имя абонента: «Мама».

— Да, мам, — голос был хриплым со сна. Он откашлялся.
— Ты чего в такую рань?

— В такую рань? — голос матери звучал бодро, с лёгкой укоризной. — Хантер, уже семь утра. Ты же знаешь, я встаю в шесть. А ты, я смотрю, до сих пор спишь? Что за распорядок у вас там? Где же хвалёная дисциплина «Оплота»?

— Учат, мам. Просто у меня вчера был тяжёлый день. Присяга, знакомство с куратором, экскурсия по штабу. Я только в полночь добрался до койки.

— Знаю-знаю, — голос матери смягчился. — Твой брат уже доложил мне, что ты в порядке. Я, собственно, и звоню — узнать, как ты устроился. Но ты мог бы и выкроить минутку в своём плотном графике, чтобы позвонить мне. Всё-таки мы с тобой целых два месяца не говорили, пока ты проходил финальные испытания в своей академии. Странные у

них порядки. К чему этот информационный карантин?

Майк, конечно, успел. Кто бы сомневался.

— Прости, мам. Я правда собирался позвонить сегодня, но ты меня просто опередила.

— Ладно, прощаю, — голос матери стал теплее. — Расскажи лучше, как прошла присяга. Торжественно? Волнительно?

— Вроде того, — Хантер усмехнулся. — Скиннер — сухой, чёткий, без лишних слов. Жетон вручил, руку пожал, сказал: «Не разочаруй меня, сынок». Я ответил: «Да, сэр». Ничего особенного.

— Джон Скиннер... — мать произнесла имя с уважением, даже с ноткой ностальгии. — Мы с твоим отцом когда-то работали с ним... давно это было. Он тогда возглавлял отдел специальных операций в ЦРУ. Ваш отец был у него в подчинении. Скиннер — жёсткий, но справедливый. Он всегда требовал от подчинённых полной отдачи, но и сам не прятался за их спины.

— Он смотрел на меня так, будто пытался просканировать. А потом спросил, есть ли у меня жалость.

— И что ты ответил? — в голосе матери появился острый интерес.

— Сказал, что понимаю, о чём он, и что не подведу. — Хантер помолчал. — А что, мам?

— Он тебя проверял. И я думаю, что ты прошёл проверку. Он хочет, чтобы ты был эффективен, но не превращался

в машину. — Она помолчала. — Это тонкая грань, Хантер. Её трудно объяснить, но Скиннер её чувствует. Этот человек видит всех насквозь. Сейчас не простое время, Хантер. И для молодых людей вроде тебя и Майка Джон Скиннер должен быть маяком во тьме, на который вам следует ориентироваться. И ты должен ему довериться, сынок.

— Да, мам. Как скажешь.

— Ладно, беги. У тебя первый рабочий день. И, Хантер... будь там осторожен.

— Обязательно, мам. Люблю тебя.

— И я тебя. Позвони отцу, когда будет время. Он тоже переживает, хоть и виду не подаёт.

— Позвоню. Пока.

Связь прервалась.

Мама и папа работали со Скиннером... Целый мир, о котором я почти ничего не знаю. Впрочем, было бы странно, если бы они делились со своими детьми историями о том, как прошёл их рабочий день. Это явно не тот случай, когда такое возможно. Однако, если они его уважают, значит, есть за что.

Хантер быстро принял душ, оделся и вышел в коридор. Несмотря на ранний час, комплекс уже жил своей обычной жизнью: где-то хлопали двери, раздавались приглушённые голоса, вентиляция гудела ровно и монотонно. Минувя пост охраны, кивнул дежурному офицеру и направился к кабинету Беатрис.

— Войдите, — раздался из-за двери её голос.

Беатрис сидела за столом, озадаченно уткнувшись в монитор. На стене за её спиной висела интерактивная карта Лонг-Айленда, разделённая на цветные зоны.

— Агент Майерс, — она подняла голову, и Хантер заметил в её глазах не привычную дружелюбную искорку, а напряжённую собранность. — Ты рано.

— Ты сказала, что у нас сегодня задание, — ответил он, присаживаясь на стул. — И мне не хотелось опаздывать.

— Задание отменяется.

— Почему? Что случилось?

Она встала, подошла к карте и ткнула пальцем в одну из зелёных зон — благополучный район на севере Лонг-Айленда, который считался одним из самых безопасных.

— В четыре утра полицейский бот открыл огонь из своих пулемётов по толпе людей. — Беатрис говорила сухо, по-деловому, но в голосе прорезалась жёсткость. — Девятнадцать убитых, больше тридцати раненых. Бот был исправен, прошёл техобслуживание два дня назад. Официальная версия — сбой в системе управления огнём.

— Ты говоришь так, как будто не веришь в сбой. А ведь они случались и раньше. Полицейские в этом вопросе не отличаются особой щепетильностью.

— Случались, но только не здесь. Это элитный район, тут самая новая и современная техника, которая прошла тщательную проверку, прежде чем попасть на эти улицы. Сбой

практически невозможен.

— Думаешь, взлом? Но кто? Кому под силу такое провернуть? «Аколиты»? Я пока ещё только начал изучать их, но мне кажется, им такое не по силам.

— Есть основания так полагать. — Беатрис скрестила руки на груди. — Они уже давно пытаются взломать полицейские сети, но до сих пор у них ничего не получалось. Если это их рук дело, значит, у них появился новый ресурс — или новый специалист.

— И ты теперь будешь этим заниматься.

— Не я одна. Но расследование — моё. — Она бросила взгляд на монитор. — Техническую экспертизу бота уже начали, но мне нужно выехать на место, поговорить со свидетелями, проверить записи камер.

— Ну так поехали.

Беатрис подняла бровь.

— Твоё первое задание должно было быть ознакомительным. Безопасным. А здесь...

— А что здесь? Бот ведь уже не стреляет, так ведь? К тому же это самый безопасный район штата, если не брать в расчёт нашу крепость. Чёрт, Беа, да я там вырос. Если мы сделаем небольшой крюк, то сможем заехать в гости к моим родителям на ланч. Миссис Майерс покормит тебя своими фирменными блинчиками с кленовым сиропом и покажет мои детские фото, а ты сможешь рассказать ей, какой я непутевый, но хороший и старательный мальчик.

— Да, ты, пожалуй, прав. — Беатрис задумчиво подняла бровь. — Наверное, это даже к лучшему. Но не расслабляй булки. Это не прогулка. Место происшествия будет оцеплено, там полно полиции и журналистов. Нервы у всех на пределе. Многие влиятельные люди, проживающие в районе, напуганы и одновременно в ярости от того, что случилось с их близкими. К тому же в таких случаях всегда есть повторная угроза. Мы не знаем, на что способны «Аколиты». Они уже преподнесли нам сюрприз, и никто не знает, что у них ещё может быть припасено.

— Я справлюсь.

Она помолчала ещё несколько секунд, потом коротко кивнула.

— Хорошо. Тогда собирайся. Через десять минут выезжаем. — Беатрис взяла со стола свой терминал и направилась к выходу, но на пороге остановилась. — И, Хантер... держись рядом.

— Есть, мэ, — усмехнулся он.

Через десять минут они уже сидели в точно таком же бронированном чёрном седане, на котором передвигался Майк — стандартный транспорт всех агентов ведомства. Беатрис вела машину, Хантер устроился на пассажирском сиденье, рассматривая проплывающие за окном улицы. Комплекс «Оплота» остался позади, и теперь они двигались по давно знакомым ещё с детства местам — аккуратные домики, подстриженные газоны, редкие прохожие. Машин на до-

рогах здесь было куда больше, чем в самом Нью-Йорке.

— Ты действительно вырос здесь? — спросила Беатрис, не отрывая глаз от дороги.

— Да, недалеко от места, куда мы едем, — ответил Хантер. — Мама до сих пор живёт в том же доме. Отец — тоже, когда не в командировках.

— А твой брат говорил, что вы жили в глубине Лонг-Айленда. Я думала, это где-то подальше от цивилизации.

— Так и есть, — усмехнулся он. — Но для местных это и есть «глубина». А для тех, кто живёт в Бруклине, мы вообще аристократы.

Беатрис хмыкнула, но ничего не ответила.

Навигатор показывал, что до места происшествия оставалось около пяти минут. Беатрис коснулась панели встроенного терминала — местный канал передавал экстренный выпуск новостей.

«...по уточнённым данным, число жертв достигло двадцати двух. Полиция приносит соболезнования родственникам погибших и заверяет, что виновные будут найдены. Губернатор штата назвал произошедшее «беспрецедентной трагедией» и пообещал ужесточить контроль над автоматическими системами безопасности...»

— Уже двадцать два, — тихо повторил Хантер. — Очень дорогостоящей вышла для кого-то эта маленькая оплошность полиции.

— Не отвлекайся, — Беатрис повернула руль, сворачивая

на перекрытую улицу. — Впереди оцепление.

Вдали уже виднелись проблесковые маячки полицейских машин и люди в форме. В воздухе висел едкий запах гари. На дороге и тротуарах чернели остовы сгоревших автомобилей.

Полицейский в бронезилете с автоматом наперевес жестом приказал им остановиться. Беатрис опустила стекло и протянула удостоверение.

— Агент Дуарте, «Оплот». Со мной мой напарник.

Полицейский просканировал документы, сверил лицо с фото, потом заглянул в салон.

— Проезжайте, мэ. Вас уже ждут.

Они миновали кордон и въехали на место трагедии.

Улица была залита кровью. Тела уже убрали, но на асфальте остались белые контуры и тёмные пятна. Витрины магазинов разбиты, фасады домов изрешечены пулями. В центре, огороженный лентой, стоял полицейский бот.

Хантер вышел из машины, и в нос сразу же ударил запах — горелый пластик, железо и что-то сладковато-тошнотворное, что ему не хотелось идентифицировать.

Я видел кровь и раньше, но не так много. И не на знакомых с детства улицах.

Беатрис жестом подозвала офицера — невысокого крепыша с красными от недосыпа глазами.

— Лейтенант, что известно?

— Пока ничего конкретного, мэ, — он говорил быстро, глотая окончания. — Бот просто остановился на пере-

крёстке, развернул пулемёты и открыл огонь по пешеходам и проезжающим мимо машинам. Никто не успел среагировать. Мы отключили его дистанционно, но он уже выпустил больше четырёхсот патронов.

— Свидетели?

— Трое. Один в тяжёлом состоянии, двое в шоке, но говорят, что перед стрельбой бот как будто «завис» на несколько секунд. Словно перезагружался.

— Или его взламывали, — заметил Хантер.

Лейтенант покосился на него, но Беатрис кивнула.

— Дайте мне адреса свидетелей, я сама с ними поговорю.

— Слушаюсь.

Офицер достал планшет, чтобы скинуть Беатрис всю доступную им на данный момент информацию.

— Агент Майерс, осмотрите бота.

— Понял.

Подошвы ботинок мерзко липли к асфальту при каждом шаге. *Надеюсь, это не то, о чём я думаю.*

В отличие от боевых военных или охранных ботов, которыми пользовался сам «Оплот», полицейский был относительно небольшим и выглядел далеко не так грозно. Его внешне можно было бы даже назвать безобидным, если бы не два скорострельных мелкокалиберных пулемёта. Эти малыши были разработаны под нужды полиции для патрулирования улиц и ситуативного усиления групп спецназначения. Они имели колесную базу и могли достаточно резво переме-

щаться по улицам города. Но конкретно этот бот даже в деактивированном состоянии выглядел жутко — от него разлило смертью. Искусственный интеллект, который должен был защищать, превратился в убийцу. Хантер обошёл его вокруг, заглянул в открытый люк техобслуживания. Внутри всё было цело, никаких следов механических повреждений.

Если это не сбой, то взлом. И если взломщик смог проникнуть в мозги этого бота, он мог проникнуть и в другие.

— Ничего криминального снаружи. Нужно смотреть логи, — доложил он Беатрис, которая всё ещё о чём-то беседовала с копом. — Его нужно забрать с собой и как следует проверить его мозги.

Беатрис кивнула и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и замерла. Хантер будто в замедленной съёмке видел, как расширяются её зрачки.

— В укрытие! — заорала она.

Рефлексы сделали своё дело. Не прошло и секунды, как Хантер оказался за ближайшим автомобилем, будто материализовавшись за ним. Но вот остальные такой реакцией похвастаться не могли...

Полицейский бот ожил.

Его сенсоры загорелись красным, пулемёты с лязгом встали в боевое положение. Гражданские, которые ещё оставались на улице — зеваки, журналисты, несколько полицейских — замерли на мгновение, словно не веря своим глазам. А потом бот открыл огонь.

Беатрис ловко укрылась за спиной копа, с которым всё это время разговаривала, и которого будто парализовало. Он так и замер, стоя с открытым ртом и уставившись на вдруг проснувшийся и казавшийся до этого надёжно спящим механизм. Именно он и получил первую очередь. Тяжёлые пулемётные пули прошли его тело. Бронежилет не спас его. Зато он смог спасти спрятавшуюся за его спиной Беатрис, дав ей возможность оценить ситуацию и в отчаянном прыжке достичь более надёжного укрытия за бронированной машиной «Оплота».

Пулемёты застрочили снова — длинная, хлёсткая очередь прошла в метре над их головами, выбивая щепки из фасада дома. Где-то справа закричал ещё один раненый полицейский. Правда, кричать ему долго не пришлось. Ещё одна короткая очередь успокоила его навсегда.

Стрельба не прекращалась. Бот крутился волчком, стреляя во все стороны без разбора будто сойдя с ума от обилия целей. Большинство полицейских, впрочем, успело укрыться. Некоторые даже попытались вести из укрытий робкий ответный огонь, который, впрочем, был малоэффективен.

— Стреляйте! Стреляйте в него, мать вашу! — заорала на них Беатрис. И сама открыла огонь из своего пистолета. Хантер последовал её примеру.

К несчастью, нанести из пистолета хоть сколько-нибудь ощутимый урон боту было очень сложной задачей. Копы же, у многих из которых были автоматические винтовки, стре-

лять прицельно просто боялись. И надо сказать, не без оснований. Как только кто-то из них пытался это сделать, бот переносил на него всю свою огневую мощь, быстро подавляя возможные угрозы.

— Хантер! У меня в багажнике лежит автомат с подствольником! Мне нужно до него добраться!

— Он пристрелит тебя, Беа. Ты не успеешь!

— Чёрт! Он будет стрелять, пока не кончатся патроны или пока мы его не уничтожим! — В горячке боя лицо Беатрис выглядело слегка безумным.

Бот же тем временем, отбив желание уцелевшим полицейским высовываться, просто поехал к ним сам — выковыривать оставшихся из укрытий.

— Потрясающая эффективность, — прокомментировал Хантер происходящее.

Беатрис уставилась на него своими одуревшими от горячки боя глазами. Спокойный тон её напарника в творящемся аду, судя по всему, показался ей в лучшем случае неуместным. Внешне она напомнила Хантеру кошку, в которую неожиданно плеснули холодной водой. Эта ассоциация показалась ему настолько забавной, что он не смог сдержать улыбки.

— Тебя что, контузило? Что ты несёшь?

— Я говорю, что этот малыш юркий и быстрый. Малый размер и лёгкость позволяют действовать ему максимально эффективно в городских условиях.

— Да приди ты уже в себя, мать твою! — прошипела Беатрис, ещё больше становясь похожей на разозлённую мокрую кошку.

Бот тем временем гонял уцелевших полицейских словно хорёк, забравшийся в курятник. Он просто спокойно заезжал за машины и расстреливал укрывшихся за ними копов в упор, не оставляя шансов и тем, кто пытался спастись бегством — ведь пули, конечно, были куда быстрее бегущего человека.

— Гляди, вот теперь он направляется к нам. Стало быть, теперь наша очередь, — заметил Хантер.

— Вот блядь! — выругалась в отчаянии Беатрис. Она быстро огляделась, оценивая ситуацию, но выхода не было.

Удивительно, насколько разрушительной может быть такая примитивная машина, — подумал Хантер. Пожалуй, ни один агент «Оплота», на чьи модификации потрачены миллионы, не смог бы быть настолько эффективен в уничтожении, как этот дешёвый кусок металла с двумя пулемётами. Есть, правда, у него один существенный недостаток — это простота алгоритма его действий, которую очень легко просчитать.

Полицейский бот тем временем добрался до их машины и, снизив скорость, развернул свой корпус с пулемётами в сторону своих потенциальных целей. В то же мгновение, как только он показался на линии огня, Хантер молниеносно прицелился и несколько раз выстрелил в упор ему прямо в

ОПТИКУ.

Интерлюдия 1

Самолёт «Чёрного ястреба» приземлился на частной полосе аэропорта Мидуэй под Чикаго в шесть утра. Пит Пуласки вышел из транспортника, щурясь от тусклого предрасветного света, и вдохнул холодный, сырой воздух. После Европы он пах иначе — здесь не было гари, пороха и чужой крови.

Два месяца. Два месяца в этом дерьме. Франция, потом Германия, потом опять Франция. «Конкордат» лезет из всех щелей, как тараканы. Это уже не подавление протестов или обычная борьба с партизанами. Это, мать его, уже самая настоящая война...

Он перекинул рюкзак через плечо и направился к выходу. Тело ломило, в глазах стояла противная сухость — он не спал нормально уже третьи сутки. Сначала засада под Страсбургом, потом беготня по Лиону, потом эвакуация. «Конкордат» неожиданно активизировался — их отряды били по складам, атаковали колонны, взрывали мосты. Европа горела, но новости об этом показывали дозированно — слишком много паники. Но самое хреновое во всём этом — что население их всячески поддерживало.

А нам плевать. Мы делаем свою работу. Получаем деньги и уходим в тень. Работа... Да, такая работа!

В автобусе до вокзала он сел у окна. За стеклом проплы-

вали пригороды Чикаго — относительно аккуратные домики в тех местах, где ещё была власть и где люди могли позволить себе получать вакцину и лекарства от «Энтропии», и полное запустение и разруха в тех районах, население которых обществом было отвергнуто. Так выглядел естественный отбор в самой яркой своей иллюстрации.

Автобус высадил его на углу Костнера и Милуоки. Дальше — пешком через дворы. Район когда-то считался довольно неплохим, но теперь здесь просто выживали. Ни больниц, ни школ, ни благотворительных центров.

Он поднялся на третий этаж старой пятиэтажки, подошёл к облезлой двери с ободраным номером «47» и достал ключи. Замок щёлкнул, и изнутри пахло дешёвым супом, лекарствами и чем-то сладковато-кислым — запахом болезни, который уже вёлся в стены.

— Пит? — голос Агнешки раздался из кухни. — Это ты?
— Я, — ответил он, снимая ботинки. — Привет.

Она вышла в коридор — худая, с тёмными кругами под глазами, в старом халате, который помнил ещё лучшие времена. Волосы стянуты в небрежный пучок. Когда-то Агнешка была красивой, но теперь красота съёжилась, спряталась за усталостью и вечным недовольством.

— Деньги привёз? — спросила она, не здороваясь.

Вот так, сразу к делу.

— Привёз. — Он достал из внутреннего кармана конверт и протянул ей. — Здесь пять штук. Плюс бонус за опасность

— ещё две. Итого семь.

— Семь? — Агнешка пересчитала, губы сжались. — Пит, ты был в Европе два месяца. Два месяца под пулями! Мы должны за квартиру, должны в аптеку, должны за лечение Марии. У нас кредит в банке, который уже четыре месяца не платили. Семь тысяч — это хорошо, но... этого мало. Очень мало.

— Но ты же получала от меня переводы! Я переводил деньги каждую неделю, а эти наличные — просто бонус, который удалось добыть нашему отряду. Это просто моя доля трофея. Этих денег могло вообще не быть! Понимаешь?

— Чёрт возьми, Пит...

— А что я могу сделать? — его голос сорвался на хрип. — «Чёрный ястреб» платит столько, сколько платит. За эту операцию заплатили хорошо, но часть ушла на снаряжение и боеприпасы. Европа сейчас дорогая, Агнешка. «Конкордат» перекрыл основные пути снабжения, всё везут с перебоями.

— Ты мог бы остаться там подольше! — Агнешка почти кричала. — Говорят, в Европе сейчас горячо. «Конкордат» развернулся вовсю. Твои же дружки рассказывали, что за головы их командиров платят огромные деньги!

Она права. За голову одного полевого командира «Конкордата» давали пятьдесят тысяч. Но достались они другому. Не мне. Я не справился... Опять.

— Я не охотник за головами, Агнешка, — устало сказал Пит. — Я солдат удачи. Делаю, что скажут. И меня не от-

правляют на охоту — меня отправляют на зачистку и сопровождение. Мы теряли людей в этом рейде. Тройх, Агнешка. Тройх хороших парней. Я вернулся живым, и это уже чудо.

— А я, блядь, не об этом просила! — она сунула конверт в карман халата. — Я просила тебя обеспечить семью! Твоя дочь умирает, Пит. Понимаешь ты это? Мария умирает!

— Не кричи, — он оглянулся на дверь в детскую. — Ты разбудишь детей.

— Пусть просыпаются, — Агнешка сбавила тон, но не успокоилась. — Им полезно знать, какой у них отец.

Какой у них отец. Солдат удачи. Наёмник. Киллер по вызову.

— Я сделаю всё, что смогу, — тихо сказал Пит. — Обещаю.

— Твои обещания не лечат рак, — она отвернулась и ушла на кухню.

Пит постоял в коридоре, разглядывая обои с пузырями — следы протечки, которую так и не починили. Потом выдохнул и пошёл в детскую.

Мария сидела на кровати, обложенная подушками, и смотрела в планшет — старый, с треснувшим экраном, но работающий. Увидела отца, отложила планшет.

— Папа! Ты вернулся!

— Привет, малышка, — он присел на край кровати и обнял её. Такая худая, почти невесомая. Волосы выпали после очередного курса химии, и она носила цветастую косынку.

— Ты надолго? — спросила Мария, прижимаясь к нему.

— Пока не знаю, — соврал Пит. — Побуду с тобой. Потом снова нужно будет уехать.

— Это из-за той болезни? — она показала на экран планшета, где мелькнула новость о «Энтропии». — Мама говорит, что из-за неё все умирают. А мы не умрём, потому что ты привозил нам уколы.

Вакцина. Одно из немногих преимуществ работы в «Чёрном ястребе». Компания заботится о своих — по крайней мере, о семьях оперативников. Без этих уколов они бы уже...

— Не умрём, — твёрдо сказал Пит. — Я не дам.

Он достал из рюкзака мягкую игрушку — слона, которого он раздобыл в одной из квартир во Франции, которую занимал их отряд.

— Слон! Папа, спасибо! — Она была уже слишком слаба, чтобы показывать радость. И только в угасающих глазах на миг блеснул лучик света.

Она обняла его, и Пит закрыл глаза, чувствуя, как хрупкое тельце прижимается к нему.

Как же долго это будет продолжаться? Сколько ещё я смогу выдерживать?

Он просидел с Марией около часа — показывал ей видео на планшете, рассказывал, что видел в Европе (конечно, не всё, но смешные истории про французов и немцев). Томми проснулся, заплакал, и Агнешка пришла покормить его, не глядя на мужа.

Вечером, когда дети уснули, Пит вышел на балкон. Закурил — последнюю сигарету из мятой пачки. С балкона был виден соседний дом — такой же обшарпанный, с облупившейся штукатуркой. Где-то внизу орала музыка, кто-то ругался. Обычный день в Чикаго.

Он вспомнил, как вступал в «Чёрный ястреб». Восемь лет назад, после армии, когда работы не было, а Агнешка только родила Марию. Ему обещали стабильный доход, жильё, страховку. И всё это дали. Дали даже больше — он мог кормить семью, мог покупать лекарства, когда дочь заболела. Но теперь денег снова не хватало. Рак — это бездонная яма. Из-за «Энтропии» цены на медицину достигли просто космических высот. Сказывался и дефицит врачей.

А ведь мог бы быть полицейским. Только там платили меньше. А ещё быть наёмником было круто. Даже Агнешка не смогла устоять, а она тогда была чертовски хороша. «Чёрный ястреб» был возможностью, которую я использовал. А теперь это возможность получить вакцину от «Энтропии» для всей семьи. Ведь без неё они бы уже...

Пит затушил сигарету, посмотрел на звёзды — их было почти не видно из-за облаков.

Что бы я делал, если бы не «Чёрный ястреб»? Сидел бы на пособии, смотрел, как умирает дочь, и молился, чтобы «Энтропия» не пришла и к нам. А так я хотя бы могу ей помочь. Могу купить лекарства. Могу дать шанс.

Он вернулся в квартиру, лёг на продавленный диван в

гостиной. Агнешка уже спала — он слышал её дыхание из спальни.

Завтра схожу в больницу. Поговорю с врачом. Послезавтра — к Марии. А послезавтра вечером — снова в путь.

Пит закрыл глаза.

Простите меня. Я стараюсь. По-другому не умею.

Его разбудил резкий, настойчивый сигнал терминала. Пит застонал, нашарил аппарат на полу, где тот упал вечером, и провёл пальцем по сенсору.

— Пуласки, — голос Мака был сухим, без приветствий.

— Ты как, отошёл?

— Отошёл, командир, — Пит сел на диване, потёр лицо.

— Что стряслось?

— Задание. Канада. Северная часть, лесной массив. Поисковая операция. — Мак сделал паузу. — Объект — мужик без памяти, предположительно опасен. Сбор завтра в шесть утра на базе. Полетите charterом.

— Канада? — Пит удивился. — Нам лететь в Канаду из-за одного мужика?

— Не моя забота. Сказали — хорошо заплатят. Бонус за поимку живьём. Отказ не принимается.

Хорошо заплатят... Это уже что-то. Мария сможет получить новое лекарство.

— Я понял, командир. Буду.

— Вот и славно. — Мак отключился.

Канада. Поиск. Очередная цель. Ехать совсем не хоте-

лось. Но главное — деньги.

Он встал, натянул штаны и пошёл на кухню. Агнешка сидела за столом, пила дешёвый кофе и смотрела в стену. Пустым, ничего не выражающим взглядом.

— Мне нужно уехать, — сказал Пит, наливая себе кипятка. — Задание в Канаде. Поисковая операция. Хорошо заплатят.

Агнешка не ответила. Пит подумал, что она не слышала.

— Я говорю, задание...

— Я слышала, — голос её был глухим, безжизненным. — Когда?

— Сегодня вечером вылет. Завтра с утра уже буду на месте.

— И надолго?

— Не знаю. Может, неделю. Может, больше. Поиск — дело не быстрое.

Она вдруг замерла, поставила чашку, и её плечи начали трястись. Агнешка заплакала — тихо, без звука, закрыв лицо руками.

Пит растерялся.

— Агнешка? Что с тобой? Мы же говорили вчера, что нужны деньги...

— Деньги, деньги, деньги... — она подняла на него заплаканные глаза. — Они нужны были раньше, Пит! Вчера, пока ты был у детей, я говорила с врачом.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Что?

— Он сказал, что Мария... — Агнешка всхлипнула. — Что она может умереть в любую минуту. Что химия больше не помогает. Что осталось, может, дни. Или часы. Что они ничего не могут сделать. Всё кончено, Пит.

Пит прислонился к стене.

— Ты не говорила...

— А ты не спрашивал! — она почти закричала. — Ты пришёл, привёз деньги, поиграл со слоном и ушёл на балкон курить. А я сидела у её кровати и слушала, как она дышит. Как её дыхание становится всё слабее, Пит! Понимаешь ты это?!

Он молчал, глядя в пол.

— Остайся, — прошептала Агнешка. — Пожалуйста. Остайся с ней. С нами. Если она умрёт, а тебя не будет... я никогда тебе этого не прощу. Никогда, Пит!

— Да, да, конечно, — пробормотал он. — Скажу Маку... скажу, что не могу.

Он вышел в коридор, достал терминал, набрал Мака.

— Пуласки, — ответил тот. — Что-то случилось?

— Командир... у меня дочь. Она при смерти. Врачи сказали — дни. Я не могу...

— Чёрт, Пит. Мне жаль, старина, мне чертовски жаль. Вот же... — Мак тяжело вздохнул. — Пит, старина, но дело в том, что ты не можешь в этот раз отказаться. Тебя тогда просто выкинут. Я не смогу тебя отстоять. Без выходного пособия, без вакцины. А ты знаешь, что без вакцины твоя семья долго

не протянет. Где ты будешь брать эту чёртову вакцину, Пит?

— Но...

— Слушай меня, — перебил Мак. — Я понимаю, что тебе тяжело. Поверь, я понимаю. Но ты должен! Ради семьи, Пит. Подумай о своей семье! Если ты откажешься, то кто им поможет?

Пит закрыл глаза.

— Ради них, Пит. Ради Томми. Ради Агнешки. Если ты потеряешь работу, они останутся без денег, без лекарств, без вакцины. Тогда они точно умрут. А если ты полетишь и сделаешь свою работу — ты сможешь купить новое лечение для Марии. Может быть, не сейчас, но через месяц-другой. Понимаешь?

Через месяц-другой... А она может не дожить до завтра.

— Я понял, командир, — выдавил Пит. — Я буду.

— Молодец. Сбор в шесть утра. Не опаздывай.

Мак отключился. Пит убрал терминал, постоял, прислонившись лбом к холодной стене.

Прости меня, мальшка. Я должен.

Он вернулся на кухню. Агнешка не подняла головы.

— Я должен лететь, — сказал он. — Если я откажусь, меня выгонят. И мы останемся без вакцины. Ты понимаешь, что это значит?

Она замерла, потом медленно кивнула.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Просто... будь здесь. Пока ты ещё дома. Побудь с ней.

Пит опустился на колени, обнял жену, прижал к себе. Она не отстранилась, но и не ответила на объятие — просто замерла, глядя в одну точку.

Весь день он провёл у постели Марии. Она была почти без сознания — открывала глаза, улыбалась, шептала «папа», и снова засыпала. Томми принесли к ней, и он сидел рядом, не понимая, что происходит.

В пять вечера Пит поцеловал дочь в лоб, погладил сына по голове, взял рюкзак и вышел.

Агнешка стояла в дверях, не плакала. Просто смотрела.

— Вернись живым, — сказала она.

— Постараюсь, — ответил он и закрыл дверь.

Самолёт летел шесть часов. Пит сидел у иллюминатора, смотрел на облака и думал о Марии.

Они приземлились на каком-то заброшенном аэродроме на севере Канады — бескрайний лес, горы и снежные шапки на вершинах. Мак уже получил необходимые инструкции и собрал свой отряд прямо на полосе для инструктажа.

— Объект — мужчина, около двадцати пяти лет. Без документов, предположительно амнезия. Специальную подготовку не проходил, но может быть очень опасен. По последней имеющейся информации убил одного из наших и завладел оружием. Приказ — взять живым, по возможности. Если что — уничтожить. Если взять живым, то премия будет удвоена.

Пит кивнул, взял планшет.

В тот же вечер, когда они разбивали лагерь в лесу, терминал запищал. Сообщение от Агнешки.

«Мария умерла. Час назад. Она искала тебя. Хотела видеть папу».

Пит сел на землю, не чувствуя холода. Глаза не были влажными. Напротив, они были сухи и абсолютно пусты.

Как я объясню ей? Как я объясню себе?

Мак подошёл, положил руку на плечо.

— Соболезную, Пит. Но работа есть работа. Завтра в шесть подъём. Ты нужен.

Пит не ответил. Он продолжал молча смотреть в пустоту.

Прости меня, дочка. Прости.

Он убрал терминал, достал сигарету, закурил. Руки дрожали.

Нет правильного выбора. Есть только долг. И боль.

6

Кабинет Скиннера встретил их привычным полумраком и запахом дорогого табака. Директор сидел за столом, перед ним — два терминала с какими-то отчётами. Он поднял голову, когда Хантер и Беатрис вошли, и жестом указал на стулья.

— Садитесь. Докладывайте.

Беатрис опустила на стул, Хантер — рядом. Она начала говорить — сухо, по-деловому, без лишних эмоций: приезд на место, осмотр, внезапная активация бота, хаос, действия полиции, их собственные и, наконец, как Хантер ослепил бота, тем самым выведя его из строя.

Скиннер слушал, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, только пальцы левой руки мерно барабанили по столу.

— Раненые, убитые? — спросил он, когда Беатрис закончила.

— Девять полицейских убито, семеро ранено. Гражданские — в общей сложности уже двадцать девять убитых, больше тридцати раненых. Точные цифры уточняются.

— А вы? — Скиннер перевёл взгляд на Хантера.

— Мы в полном порядке, сэр.

Скиннер кивнул, и тут Хантер заметил — едва заметный, мгновенный проблеск в глазах директора. Облегчение? Или

даже... удовлетворение?

Он доволен. Несмотря на всё дерьмо, он доволен.

— Вы действовали быстро и профессионально, — сказал Скиннер, обращаясь к обоим. — Агент Дуарте, вы проявили хладнокровие в критической ситуации. Агент Майерс — вы спасли напарницу и нейтрализовали угрозу. Это дорогого стоит.

Он помолчал, будто взвешивая слова.

— Конечно, трагедия огромна. Но вы не могли предотвратить атаку. Ваша задача была — остановить бота и сохранить себя. Вы справились. Это главное.

Хантер молчал. Беатрис кивнула.

— Теперь — к делу, — Скиннер нажал кнопку на терминале, и на стене за его спиной загорелась схема полицейского бота. — Технический отдел уже провёл первичный анализ. Они обнаружили посторонний чип, интегрированный в систему управления огнём. В определённый момент этот чип захватил контроль над ботом. Его системы начали распознавать всех вокруг в качестве угрозы, подлежащей физическому уничтожению. С помощью этого же чипа уже отключённого полицейскими бота снова активировали. Кто-то следил и ждал подходящего момента, чтобы сделать это. Целью было максимизировать число жертв, как и при любом теракте. Налицо почерк «Аколитов».

— Получается, у них был физический доступ? — уточнил Хантер. — Но в какой момент они могли его получить? Свои

люди в полиции?

— Именно, — Скиннер посмотрел на него с лёгким одобрением. — Кто-то имел возможность вскрыть бота и установить чип. Либо во время техобслуживания, либо раньше, когда бот был на складе полиции. Это сужает круг подозреваемых: техобслуживание, полицейские, имевшие доступ, или внешний взломщик с физическим проникновением.

— Мы проверим списки, — сказала Беатрис. — Всех, кто контактировал с ботом за последнее время.

— Проверите, — согласился Скиннер. — Но осторожно. Если чип поставил кто-то из полицейских, он может быть опасен. Не поднимайте шума раньше времени. Ваша задача — найти взломщика. Как можно быстрее.

— Сэр, — Беатрис подала голос. — Если взломщик имел физический доступ к одному боту, он мог установить чипы и в другие машины.

— Я знаю, — перебил Скиннер. — И понимаю, к чему ты клонишь. Но мы не можем пойти на то, чтобы заставить полицейских убрать всех ботов с улиц. Они и так не справляются. Если на них взвалить дополнительную нагрузку, которую на себя брали боты, то ни к чему хорошему это не приведёт. Уверен, что «Аколиты» именно этого и добивались — ослабления контроля и огневой мощи сил правопорядка. А пока, агент Дуарте, вы продолжите заниматься решением этой задачи. Можете также задействовать агента Майерса. Тем более что он уже и так фактически задействован. Вопросы?

— Нет, сэр, — ответили оба.

— Тогда свободны. — Скиннер снова уткнулся в терминал. Уже у двери он добавил, не поднимая головы: — Майерс, задержитесь.

Беатрис вышла, закрыв за собой дверь.

— Присядьте, — Скиннер указал на стул. — Я хочу сказать вам кое-что без свидетелей.

Хантер сел.

— Вы сегодня попали в серьёзную переделку. В свой первый же день. Но вы справились, сделали всё правильно. — Скиннер поднял голову, и Хантер снова увидел тот самый блеск в глазах. — Вы спасли агента Дуарте. Она — один из лучших наших оперативников. Я ценю это.

— Я делал свою работу, сэр.

— Работу, — Скиннер усмехнулся. — Знаете, Хантер, я много лет в разведке. Я видел сотни новобранцев. Одни ломались, другие бежали, третьи прятались. Вы — не такой.

— Спасибо, сэр.

— Не благодарите. — Скиннер снова стал серьёзным. — Теперь идите. Завтра у вас будет много работы. Будьте готовы. И зайдите сейчас же к доктору Ченгу. Сегодня впервые в нашей истории был задействован в реальном бою агент с биомодами. Доктор должен составить протоколы для дальнейшего изучения.

Хантер встал, кивнул и вышел.

В коридоре его ждала Беатрис, прислонившись к стене.

— Ну что, герой? — спросила она, но в голосе не было издёвки. — Пойдём, разгребать дерьмо дальше. Работы — вагон.

— Директор Скиннер отправил меня в медицинский корпус, — ответил Хантер. — Видимо, меня планируют препарировать как лягушку, чтобы понять, как мне удалось выжить.

Они пошли по длинному коридору, и Хантер поймал себя на мысли, что впервые за день чувствует что-то похожее на удовлетворение.

Первый бой. Не провалился. Может, я действительно чего-то стою.

Медицинский корпус «Оплота» располагался в восточном крыле, на втором этаже. Хантер нашёл нужную дверь — массивную, металлическую, с табличкой «Д-р Каи Ченг». Рядом с дверью была сенсорная панель с кнопкой вызова.

Он нажал. Из динамика раздался спокойный, чуть скрипучий голос:

— Войдите, агент Майерс. Я жду вас.

Дверь бесшумно сдвинулась в сторону, и Хантер вошёл в кабинет. За дверью оказалась не просто комната, а целая лаборатория, разделённая прозрачными перегородками на несколько зон. Везде — мониторы, стойки с диагностическим оборудованием, шкафы с маркировкой «Биоматериалы», «Реагенты», «Протезы». В центре, под мягким голубоватым светом, стоял открытый диагностический модуль —

стеклянный, с встроенными сканерами. У дальней стены замер медицинский бот — безликий, серебристый, с манипуляторами на гибких штангах.

У стола, заваленного планшетами и отчётами, сидел невысокий мужчина в белом халате лет пятидесяти, с короткими тёмными волосами и тонкими пальцами, которые что-то быстро набирали на клавиатуре. Рядом суетилась медсестра — молодая женщина в лёгком скафандре, перекладывала пробирки и поглядывала на Хантера.

— Проходите, — доктор Ченг поднял глаза, жестом указал на стул. — Садитесь.

Хантер кивнул, прошёл к указанному месту.

— Директор Скиннер сказал, что нужно составить протокол.

— Протокол, да. — Ченг откинулся на спинку кресла, жестом отпустил медсестру. — А ещё — проверить, как ваш организм справился с нагрузкой. Вы сегодня впервые применили модификации в реальном бою.

— Что нужно делать? — спросил он.

— Сначала — осмотр. Потом — диагностика. Раздевайтесь до пояса и проходите в модуль.

Хантер стянул куртку, футболку, подошёл к диагностическому модулю. Внутри было просторно, пахло озоном и стерильностью. Он лёг на мягкую поверхность, и стеклянная крышка бесшумно закрылась.

— Не шевелитесь, — сказал Ченг через динамик. — Ска-

нирование займёт минуту.

По телу пробежала лёгкая вибрация, вокруг засветились голубые полосы. На мониторах перед доктором побежали графики, цифры, трёхмерные модели тела Хантера.

— Реакция нервной системы — хорошая. Восстановление мышц — выше нормы. Модификации работают штатно. Приготовьтесь, сейчас вы получите несколько инъекций, — предупредил Ченг. — Не шевелитесь, автоматические манипуляторы всё сделают аккуратно.

Из стенок модуля выдвинулись тонкие иглы. Хантер почувствовал короткие уколы — в плечо, в предплечье, в бедро.

— Зачем это, док?

Модуль открылся, Хантер сел.

— Это поддерживающая терапия и стимуляторы регенерации. Ваши модификации нужно постоянно подпитывать, иначе они деградируют. Такова уж моя работа, агент Майерс. Вы и ваш брат по-настоящему уникальны. Вы с самого начала вытянули выигрышный билет. Раньше все подобные эксперименты заканчивались провалом.

— Да, я знаком с материалами. Это всё особенности нашего мозга...

— Именно! — Ченг оживился, даже подался вперёд. — Ваш мозг, как и мозг вашего брата — это просто произведение искусства! Его гибкость и способность адаптироваться под новые условия поражает. На самом деле нет большой

проблемы в том, чтобы постепенно интегрировать точно такие же моды любому другому человеку. Точнее, не совсем любому, — тут же поправил сам себя доктор, — но такое можно провернуть со многими. Можно укрепить скелетный каркас, со временем сделав его прочным как сталь. Можно усилить мышцы — это самое простое. Но центральная нервная система и мозг просто не примут подобного вмешательства.

— А о каком дальнейшем развитии характеристик вы упомянули? Я думал, это вопрос моей физической подготовки и тренинга.

— Само собой, этого тоже нельзя сбрасывать со счетов. Но не думаете же вы, что ваши характеристики — это заслуга академии и той потогонки, что вам там устроили?

— Я не совсем понимаю...

— Хорошо, я объясню. Любой человек путём упорных тренировок может достичь существенных показателей в силе, выносливости, скорости. Но всё это будет упираться в потолок его индивидуальных возможностей. Другими словами, как бы долго и тщательно ни тренировался обычный человек, он никогда не сможет достичь вашей быстроты реакции. Его центральная и периферическая нервная система ему этого просто не позволит. Как бы долго выдающийся спортсмен ни тренировал выносливость, он всё равно проиграет вам на длинной дистанции. То же касается и физической мощи. Лишь люди, подвергшиеся механическим ауг-

ментациям, могут с вами соперничать в грубой силе. Всё-таки живая плоть в этом плане пока уступает синтетике.

— Могу я задать ещё вопрос? Хочу знать ваше мнение. Неужели такие, как я и Майк, настолько важны? Ведь на этот проект ушло столько денег, что можно было бы создать целую армию аугментированных. С точки зрения эффективности мне этот вариант кажется на данный момент более предпочтительным и надёжным.

— Будущее тем не менее именно за такими, как вы и ваш брат. Поймите, ведь это пока только начало. Но давайте по порядку. Начнём с того, что многие из модифицированных не хотели становиться такими. Но в силу тех или иных обстоятельств были вынуждены прибегнуть к аугментациям. Если говорить о гражданских, то я думаю, вы и так понимаете, что протезирование, как правило, проводилось после несчастных случаев, приведших к потерям конечностей или органов. В военной среде, за редким исключением, та же картина. Большинство агентов получили тяжёлые ранения и, чтобы остаться в строю, пошли на процедуру аугментаций. Сложные аугментации — это совсем не то, что простое протезирование. Импланты должны быть интегрированы и встроены в нервную систему агента. Это очень сложный и долгий процесс. У кого-то он проходит проще и быстрее, кто-то даже спустя годы испытывает сильные страдания и физическую боль. Нередко случается и так, что мозг не принимает импланты, и всё заканчивается печально.

— Да, я давно заметил, что некоторые аугментированные будто не вполне могут совладать со своими модами.

— Прибавьте к этому частые головные боли. Мозг бунтует, распознавая чужеродное тело. Он не хочет мириться с обманом. Наши агенты — постоянные пациенты этого медицинского центра. За ними нужен постоянный присмотр. И здесь у вас есть ещё целый список приятных для вас преимуществ. Например, ваш иммунитет. Вы и ваш брат полностью защищены от любых известных нам вирусов. Даже от «Энтропии». Ваши способности к регенерации физических повреждений превосходят возможности обычного человека в разы. Конечно, вы не можете отращивать новые конечности, словно ящерица, но сращивание переломов и восстановление мягких тканей будут происходить очень быстро. И мы с вами будем на наших встречах развивать эти и другие ваши способности. Вы сможете ещё лучше контролировать своё физическое и эмоциональное состояние. Это позволит вам распределять или, наоборот, концентрировать ресурсы вашего организма для выполнения наиболее актуальной в текущий момент задачи.

— Получается, что я не подвержен даже возрастным заболеваниям?

— Всё верно, агент Майерс. Безусловно, даже несмотря на постоянную внешнюю подпитку вашего организма разработанными нами стимуляторами, износ всё-таки будет развиваться, и когда-нибудь вы всё-таки состаритесь. Но мы пока

не в состоянии дать объективный прогноз, какова будет ваша продолжительность жизни. Однако одно я могу сказать точно: она будет феноменально долгой. И это, пожалуй, главный на данный момент фактор, который позволяет нам получать столь щедрое финансирование.

— Вы намекаете на то, что все старые толстосумы очень хотели бы получить подобные модификации, чтобы справиться со своими болячками и прожить как можно дольше? Но, док, ведь мы с вами оба знаем, что наш случай уникальный. То, что мой организм и организм Майка смогли принять и успешно интегрировать изменения, — это просто удача. Вы сами сказали, что мы выиграли в лотерею. Получается, что эти богатые старики не смогут воспользоваться результатами своих инвестиций.

— Пока не смогут. Но мы ведь не стоим на месте. Пройдёт время, и мы найдём способ адаптировать эту технологию и под других людей. По крайней мере, я на это надеюсь.

Ченг на минуту замолчал, что-то помечая в планшете, потом поднял глаза.

— А теперь, агент Майерс, перейдём к самому главному. Как вы себя чувствуете? Физически, эмоционально. Без утайки.

— В полном порядке, доктор, — ответил Хантер. — Немного устал, но это нормально после такого дня.

— Усталость — это нормально, — Ченг кивнул. — А головные боли? Мигрени, давящие ощущения, пульсация?

Головные боли. Чёрт. Он просто проверяет? Насколько это может быть важно? Ну не могу же я ему сказать правду. Доктор наверняка обо всём доложит Скиннеру...

— Нет, — соврал Хантер. — Ничего подобного.

Ченг посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Вы уверены, агент Майерс? Потому что по протоколу уже давно должен был произойти сильный приступ головной боли. Иногда он случается раньше, иногда позже, но он неизбежен. Это нормальный этап интеграции — мозг перестраивается, новые нейронные связи конкурируют со старыми. Без этого процесс не завершается.

Хантер молчал.

— Понимаете, если вы скрываете этот факт, я не смогу правильно скорректировать поддерживающую терапию. А это может привести к осложнениям.

Он знает. Он всё знает. Чёрт, чёрт, чёрт. Чувствую себя тупым набедокурившим подростком перед старым учителем, который и так всё знает, но даёт возможность признаться.

— Было, — тихо сказал Хантер. — Один раз. В день, когда я очнулся. Я тогда... я был не в себе. Не хотел об этом говорить.

Ченг отложил планшет, подался вперёд.

— Расскажите подробнее. Когда это случилось? Как долго длилось? Что вы чувствовали?

— Утром. Я проснулся от дикой боли. Такое ощущение,

что череп разрывают изнутри. Зубы... казалось, они могут лопнуть от давления. Потом боль отступила.

— Это всё?

— Я... — Хантер помолчал. — Возможно, я выпил много алкоголя накануне. Или... может быть, ещё что-то. Я не помню точно.

Ченг неожиданно улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Агент Майерс, вы можете не волноваться. Никакое количество алкоголя или лёгких наркотиков не способно вызвать подобный приступ. Это была именно та самая интеграционная боль. И она прошла — что значит, процесс идёт успешно.

— Значит, я не навредил себе?

— Нет. Напротив, вы подтвердили, что модификации работают как надо. — Ченг снова взял планшет. — Я зафиксирую это в отчёте. Теперь всё в порядке.

Всё в порядке. Какой же я идиот. А я-то переживал.

— Доктор, а у Майка было такое?

— У вашего брата — да. Но он не скрывал. Сразу обратился в медицинский корпус. — Ченг усмехнулся.

— И что мы будем делать?

— Ничего. Приступ прошёл сам. Мы лишь зафиксировали показатели.

Ченг пододвинулся ближе, пальцы его левой руки замерли над клавиатурой.

— Теперь, агент Майерс, расскажите о сегодняшнем

столкновении с ботом. Меня интересуют не тактические детали — я и так видел запись происшествия. Меня интересуют ваши ощущения. Что вы чувствовали в тот момент? Как принимали решения? Контролировали ли вы свои эмоции?

Хантер задумался.

— На самом деле никаких эмоций не было, док. Когда бот ожил... я не испугался. Рефлексы сработали очень быстро, я сразу осознал опасность и вычислил её источник. Затем я просто укрылся.

— А потом? Когда бот пошёл на вас?

— Беатрис крикнула, что у неё в багажнике автомат, но до него надо было добраться. Я понимал, что у неё мало шансов. Оценив ситуацию, я понял, что бот уязвим — его оптика не защищена. И я выстрелил.

— И вы не боялись, что промахнётесь? Что он вас расстреляет раньше?

Хантер покачал головой.

— Я просто... знал, что попаду. Это не была уверенность, основанная на опыте. Это было знание. Как будто моё тело уже просчитало траекторию, а мозг просто подписал приказ.

Ченг кивнул, что-то записывая.

— Это хорошо. Это значит, что ваши модификации работают в связке с вашим сознанием. Вы не думали — вы делали. — Он поднял глаза. — А эмоции? Вы сказали, не испугались. Но ведь страх — естественная реакция.

— Я не испытывал страха, — повторил Хантер. — Я ис-

пытывал сострадание к погибшим гражданским, но это было ещё до боя.

— А теперь, когда бой закончился? Вы чувствуете что-то? Хантер помолчал.

— Удовлетворение. И усталость. Но не страх.

Странно. Раньше я думал, что после первого боя меня будет трясти. Но меня не трясёт.

— Агент Майерс, вы знаете, что ваши модификации позволяют вам контролировать эмоциональное состояние? — Ченг посмотрел на него внимательно. — Это не значит, что вы становитесь бесчувственным роботом. Это значит, что вы можете по желанию приглушить страх, панику, гнев — или, наоборот, усилить концентрацию, агрессию, реакцию. Это такая же естественная способность, как для обычного человека шевельнуть рукой.

— Да, доктор. Мне удалось неплохо отточить этот навык. Он словно был присущ мне всегда, — признался Хантер. — Я просто делал то, что нужно.

— Именно. Вы делали. Ваше тело и мозг работали в унисон, без сознательного контроля. Это и есть цель наших модификаций — не сделать из вас сверхчеловека, а убрать барьеры, которые мешают обычному человеку действовать на пределе своих возможностей.

Ченг откинулся на спинку кресла.

— Но есть и обратная сторона. Если вы научитесь подавлять страх полностью, вы можете утратить способность адек-

ватно оценивать риск. Не бояться — это хорошо. Совсем не бояться — смертельно опасно.

— Я понял, доктор.

— Что вы чувствовали, когда бот принялся убивать полицейских? Я говорю не о первом, хаотичном начале, а имею в виду, когда он принялся подъезжать к ним в упор и методично уничтожать?

— Ничего, — от этого такого простого и честного ответа, который сам сорвался с губ, Хантеру впервые стало не по себе.

— Как вы считаете: могли бы вы спасти больше людей, если бы проявили большую активность? — Ченг улыбнулся и поднял руки, стараясь сгладить неудобный вопрос. — Поймите, агент Майерс, я не хочу вас ни в чём уязвить. Но я должен задать этот вопрос. Что, если бы вы не выжидали удобного момента до последнего, а попробовали поразить его в слабое место раньше?

— Вероятно, вы правы, док, и я действительно мог помочь им. Но во время боя приоритеты расположились иначе... Наверное, я просто старался действовать наверняка.

Хантер вышел в коридор и прислонился к стене.

Ничего. Я ответил «ничего». И это была правда. Наверное, это и есть я — без прикрас, без паники, без жалости. Ченг назвал это «убрать барьеры». Но что, если барьеры были единственным, что делало меня человеком?

Хантер вышел из медицинского корпуса и направился в сторону жилого сектора. Внутренний двор «Оплота» уже погрузился в сумерки — редкие фонари отбрасывали жёлтые пятна на мокрый асфальт. Несмотря на довольно позднее время, народу на улице было полно. Кто-то из оплотовцев просто прогуливался, некоторые перекидывались мячом, другие же стояли плотными кружками и громко смеялись, обмениваясь дурацкими шутками. Все отдыхали и расслаблялись как могли после очередного тяжёлого дня.

Половина одиннадцатого. Ужин я уже пропустил. Может, в столовой ещё осталось что-то съедобное?

Он свернул в боковой коридор, ведущий к столовой. В воздухе витал запах еды, значит, была надежда, что ещё можно чем-нибудь поживиться.

Внутри было почти пусто — несколько человек в полевой форме сидели за дальними столами, о чём-то тихо переговариваясь. Ещё было несколько человек в штатском, возможно, это был кто-то из агентов. У окна, за чашкой кофе, сидел Винс. Завидев Хантера, он расплылся в широченной улыбке, вскочил и раскинул руки, будто собирался обнять весь мир.

— Хантер! Братишка! Живой, невредимый и даже, я смотрю, без дырок! — он хлопнул друга по плечу своей аугментированной рукой, чуть не сбив с ног. — Везучий ты су-

кин сын!

— Рад тебе видеть, придурок! — Хантер притянул к себе друга за шею и пару раз хлопнул по спине. — Я уж и не ждал тебя тут увидеть.

— Думал, что я передумаю возвращаться на службу после того, что было в «Гидре»? — заржал Винс. — Да вот хрен тебе! Думал, я позволю тебе заполучить всю славу? У меня, между прочим, тоже тут большие планы. Хотя, признаюсь честно, у меня был большой соблазн остаться там.

— Я, кстати, почти ни хрена не помню о той ночи. Что там вообще произошло?

— Будь я проклят, если знаю больше твоего! Меня вырубил прямо в клубе. Ближе к утру я обнаружил себя там под столом. Какой-то козёл меня не заметил и поставил на меня ноги! Вот он-то меня и разбудил. Тебя уже нигде не было. Ты просто бросил меня, сукин сын! Но я на тебя не в обиде. Правда. Чёрт, да я бы себя тоже бросил на твоём месте, если бы ко мне подвалила такая тёлка! Как там её звали? Дениз? Надо полагать, ты вдул этой потаскушке по самые помидоры.

— Да пошёл ты, — Хантер отмахнулся, но не удержал улыбку. — Ничего я не помню. Проснулся — голова раскалывается, она надо мной трясётся. Сказала, что у меня был припадок.

— Насрать мне на твой припадок. Ты ей вдул или нет?

— Мать твою, Винни! Тебя что, ещё не отпустило? Говорят тебе — я не помню! Может, и было. По крайней мере,

Дениз сказала, что всё было ОК.

— Ты серьёзно? — Винс выпучил глаза. — Такая тёлка — и ты ничего не помнишь? Да ты просто обязан был!

— Обязан — не обязан, не помню — значит, не считается, — отрезал Хантер.

— Ладно, забыли, — с досадой махнул рукой Винс.

— Слушай, — Хантер откинулся на спинку стула. — А кто у тебя куратором? Мне Беатрис приставили. Знаешь такую? Говорят, одна из лучших.

— Чувак, да я тут всех знаю. И твою горячую милфу тоже. Но у меня тоже «одна из лучших», — Винс скривился. — Агент Рей Танака. Япошка, сухой как крекер. Ни улыбнётся, ни подколет, самурай хренов. Ведёт себя так, как будто это они войну выиграла. Одно утешает — его кураторство — это формальность чистой воды.

— Почему формальность?

— Я же тебе рассказывал, что меня в агенты перетащили из спецназа. Я уже не первый год в «Оплоте», братишка. И поверь, я сам бы мог быть куратором для этой гейши, возомнившей себя ронином. Но Скиннер привык соблюдать все формальности, так что...

— Быть спецназовцем в «Оплоте» и агентом — это всё-таки не совсем одно и то же. Точнее, это совсем не одно и то же, — усмехнулся Хантер.

— Ладно, хрен с тобой. В агентах — новичок. В «Оплоте» — нет. Армия, устав, строевая подготовка — я этого дерьма

наелся ещё, когда в «Дельте» служил. Хватит с меня! Я хочу дела делать. Ну и Скиннер, видимо, решил, что такой сметливый парень, как я, ему пригодится. Взял, перевёл. И правильно сделал. — Винс понизил голос. — Мне, если честно, на фиг не сдался этот генерал Стоун со своей муштрой и этот его команданте Че Гевара...

— Какой ещё к чёрту Че Гевара?

— Да заместитель его этот — полковник Родригез.

— А почему Че Гевара? — засмеялся Хантер.

— Похож, потому что.

— Чувак, ты всем уже успел клички раздать? Самурай, милфа, Че Гевара... Кто тут у тебя ещё есть?

— Тебе надо было ко мне сразу обратиться. Я бы тебя ввёл в курс дела. — Винс отхлебнул кофе. — Видишь тех двух бугаев в штатском? — Винс указал подбородком в дальний угол.

— Ну...

— Тот, что справа и чуть пониже ростом, — это Маг.

— Маг? Чувак, а может, ты сделаешь исключение и временно перейдёшь с кличек, которые ты тут, кажется, и правда уже успел всем раздать, на нормальные имена?

— Это агент Натан Векслер, но Магом его прозвал не я.

— А кто тогда? Ты что хочешь сказать, что ты тут такой не единственный, кто их придумывает?

— Он специализируется на ликвидациих. Его так прозвали за умение устранять цели. Даже самые сложные. Если за

ликвидацию взялся Маг, то можешь быть уверен — совсем скоро кто-то сдохнет. Так или иначе. Кто-то когда-то сказал, что они умирают будто по волшебству. Так Векслер и стал Магом. Это официальная версия. Но она слишком крутая, а так не бывает. Возможно, всё гораздо проще, и он во время дрочки просто сломал себе свою волшебную палочку. Ему из-за этого конечно пришлось обращаться в медкорпус за помощью, ну а там и растрепали. Ведь, как известно, медицинская тайна — это просто красивая легенда, придуманная для идиотов, которые в неё только и верят. Если честно, мне эта версия кажется более правдоподобной.

— Завидую твоей проницательности. Ну а что второй громила?

— Этого бугая зовут Бауэр. Маркус Бауэр. Он чёртов псих. Этот дуболом больше всех нашпигован аугментациями. Не удивлюсь, если у него даже мозги механические. Когда он рядом, мне кажется, что я слышу, как они скрипят и тикают.

— Да брось! Не может он быть таким тугодумом, как ты говоришь. Скиннер не стал бы держать его.

— А вот тут ты не прав. Он фанатично предан «папочке». Такой человек, как он, в обойме всегда пригодится. К тому же он в своём роде тоже уникален. Никто другой не смог бы интегрировать в себя столько модификаций. Но мозги этого парня приняли всё, что им преподнесли. Говорят, что на большую часть своих изменений он пошёл добровольно, без

медицинских показаний. Понимаешь? Этот ненормальный дал добровольно расчленять себя, позволяя ставить над собой эксперименты. К примеру, он одним из первых получил экспериментальную оптику. Он заменил свои глаза на augmentации, хотя никаких показаний для этого не было! Оба, блядь, глаза! Прикинь! Этот парень реально не здоров на голову...

— А что же Беатрис? — спросил Хантер, возвращаясь к прерванной теме. — Что ты о ней думаешь?

— Она, конечно, профи — опытная, умная, она эффективна, Скиннер её ценит. Практически уверен, что он ее трахает.

— У него есть Астрид для этих целей. Так что Беатрис он ценит за другие достоинства.

— Одно другому не мешает, братец. Ладно, — Винс хлопнул его по плечу. — Я побежал. Завтра рано вставать. Удачи тебе в твоём первом деле. И помни: если что — звони. Я хоть и не гений, но прикрыть смогу.

Они попрощались, и Хантер остался в одиночестве. Допив остывший кофе, он посмотрел в окно — было уже совсем темно. Хантер поднялся, убрал поднос и вышел из столовой.

Коридоры в этот час были почти пусты. Только редкие патрули да техники, торопящиеся по своим делам. Хантер шёл медленно, не торопясь. Он свернул в жилую зону. Из-за некоторых дверей доносились приглушённые голоса, грубый

мужской смех.

Странно. Всего день прошёл, а кажется, что я здесь уже неделю. Столько всего произошло: присяга, Скиннер, Ченг, Винс, Беатрис, бой и целая куча трупов... И при этом я чувствую себя здесь как рыба в воде. Словно я всегда жил такой жизнью. Разве так бывает? Очевидно, что нет. Что тут сказать? «Вигор Медикал» славно надо мной потрудились. Промыли мозги по высшему разряду.

Даже доктор Ченг спросил, мог ли я спасти больше людей, если бы действовал активнее. Конечно, он задал этот вопрос неспроста. И я ответил, что, вероятно, мог. Но приоритеты в бою сложились иначе. Приоритеты... Жизни этих людей оказались для меня не приоритетны.

А ведь если подумать... Пока бот методично расстреливал полицейских в упор, я выжидал. Я просчитывал. Я искал идеальный момент. А они умирали.

Хантер закрыл глаза. Перед внутренним взором снова встала картина: бот подъезжает к машине, пулемёты в упор, коп даже не успевает закричать.

Я видел это. И не стрелял. Я мог попытаться привлечь его внимание. Если бы я стрелял, то стал бы для системы распознавания угроз приоритетной целью. Но не сделал этого. Потому что это было не рационально. Я мог потерять преимущество. Одна ошибка — и мы с Беатрис погибли бы. А как же полицейские? Может, их смерть — это не моя забота. Или моя?

Он провёл рукой по лицу.

Ченг не осуждал. Точнее, он хотел показать мне, что не осуждает. Но он не мог не осуждать. Обычный человек не мог не осуждать. Кажется, я и сам себя осуждаю. Но я не должен... Не должен! Но что, если бы на месте тех полицейских был Майк... я бы не стал ждать. Я бы выстрелил сразу. Попытался бы спасти его. Значит, дело не в риске. Дело в том, кто в опасности. Свои и чужие. И это, наверное, и есть та самая «человечность», границы которой Ченг пытался во мне прощупать. Способность к эмпатии, когда чужую боль пропускаешь через себя.

Он вспомнил лица убитых гражданских. Их не было в момент боя — он смотрел сквозь них. А теперь они пришли.

Я не машина. Не машина. Я просто контролирую свои эмоции, потому что я профессионал. Не машина.

Серое утро встречало их промозглой сыростью. Бронированный седан «Оплота» бесшумно катился по пустынно-му шоссе, ведущему с Лонг-Айленда в сторону Манхэттена. По обеим сторонам мелькали безжизненные кварталы: где-то горел костёр в старой бочке, возле которого грелись несколько фигур; где-то на балконе висело выцветшее бельё, колышущееся на ветру. Изредка попадались одинокие прохожие, больше напоминающие серые тени, чем живых людей. Нью-Йорк просыпался, но просыпался нехотя, как больной, который не верит в исцеление.

Беатрис вела машину уверенно, но без лишней спешки. На коленях у неё лежала автоматическая винтовка. Хантер также держал своё оружие наготове. Его глаза ловили малейшее подозрительное движение среди бесконечных рядов безликих зданий.

— Полицейский департамент находится в центре, — сказала Беатрис, не отрывая глаз от дороги. — Там же и склад техники. Так что не придётся мотаться по всему городу.

— А боты? — спросил Хантер. — Их уже проверили?

— Да. Специалисты «Оплота» совместно с полицейскими техниками прогнали все машины по полной программе. Чипов больше не нашли. Ни в одном.

— Значит, это был единичный случай?

— Похоже на то. — Беатрис помолчала. — Сейчас наша задача — понять, кто имел физический доступ к этому конкретному боту. Списки персонала, техобслуживание, доставка. Кто-то должен был вскрыть его и установить чип.

— Ты не очень высокого мнения о полицейских, — заметил Хантер.

— А ты? — она бросила на него быстрый взгляд.

— Я ещё не успел с ними столкнуться.

— Повезло, — хмыкнула Беатрис. — Знаешь, что меня больше всего бесит? Не их некомпетентность — к этому я привыкла. А их самоуверенность. Они считают себя последней линией обороны, а на деле — просто стадо, которое бежит в ту сторону, куда укажут.

— Ты работала с ними раньше?

— Приходилось. И каждый раз одно и то же. Бумажки, отчёты, перекалывание ответственности. — Беатрис повернула руль, объезжая выбоину. — Если бы не мы, они бы до сих пор гадали, что случилось с ботом. А так — нашли чип, и теперь мы тащимся на другой конец города, чтобы разобраться с их бардаком.

Хантер молчал, глядя в окно. Дорога постепенно оживала — машин становилось больше, кое-где на остановках стояли люди — счастливики, которых должен был забрать автобус, чтобы отвезти их на работу, гордые обладатели пропусков уровня Гамма — для рабочих и обслуживающего персонала.

— А ты что думаешь? — спросила она, бросив быстрый

взгляд на него.

— Думаю, что они делают свою работу. Не всегда хорошо, но делают. А мы — свою.

— Дипломатично, — усмехнулась Беатрис. — Тебя Скиннер учил, или сам такой?

— Это я сам такой умный.

— А в чём заключается их основная работа по-твоему?

— Очевидно, в том, чтобы держать и без того забитое и подавленное безработицей, голодом и пандемией население в ещё большем напряжении. Во многом благодаря работе полицейских пополняются ряды «Аколитов» и «Конкордата».

— Теория заговора? — хмыкнула Беатрис.

— Она самая. Тебе не кажется, что если бы мы разгромили полицию, то проблем значительно поубавилось бы?

— Тогда мы остались бы одни против всех. Нас банально слишком мало. «Оплот» просто не смог бы покрыть даже территорию этого штата.

— Мы и так одни, Беа. Когда-то давно от полиции был прок. Они худо-бедно боролись с преступностью на улицах и поддерживали порядок. Но сейчас они больше заняты тем, чтобы обеспечивать свою личную выживаемость. Любыми методами. По сути, они превратились в одну из тех уличных банд, с которыми борются за влияние и ресурсы, выкачиваемые из оставшегося населения. Отрицательный отбор в действии. Это процессы, при которых из системы устранились наиболее компетентные, а их место заняли менее способные,

но более удобные или циничные. Ведь работа в полиции позволяла исправно получать вакцину от «Энтропии». Чтобы получить вакцину одним из первых уже не нужно было быть важным и полезным для общества специалистом — талантливым врачом, опытным инженером или крутым программистом. Достаточно просто быть готовым переступить через принципы морали и открыть огонь по протестующим, которые были недовольны сложившейся ситуацией. Именно подбор таких кадров и привёл к деградации всей структуры, управляемой посредственностями, и снижению её эффективности.

— Ну ты и завернул! — с восхищением уставилась на него Беатрис. — Клянусь оставшейся рукой, что ты в будущем станешь известным политиканом, если, конечно, у нас вообще есть будущее.

— Раз уж ты сама упомянула, Беа, можно спросить? Твоя рука... — он кивнул на её левое предплечье, прикрытое рукавом куртки. — Давно?

Она не ответила сразу. Несколько секунд смотрела на дорогу, потом перестроилась в соседний ряд, обгоняя автобус.

— Давно. Уже два года. — Её голос стал ровным, без эмоций. — Не простое выдалось дельце.

— Что произошло?

— Один урод выпустил в меня целую очередь. Было поражено левое лёгкое, а ещё было задето сердце. — Беатрис сглотнула образовавшийся ком в горле. — Ну и несколько

пуль раздробили левую руку. Меня еле удалось спасти. Я провалялась в коме две недели и перенесла херову кучу операций. Руку удалось спасти, но её функциональность была сильно нарушена. И я встала перед выбором: либо перевестись в другой отдел, либо подвергнуться аугментации.

— Тяжело было решиться на этот шаг?

— Я решилась на него далеко не сразу, но иного выбора я для себя не видела. В «Оплоте» как раз предложили... модернизированный вариант, и Маркус убедил меня сделать это. — Она сжала левую руку в кулак, и Хантер услышал едва уловимое жужжание сервомоторов. — Тяжело было привыкать. Почти год я не могла нормально держать оружие.

— А теперь?

— А теперь я могу раздавить череп голыми пальцами, если захочу. — Она улыбнулась — холодно, без тени веселья.

— А модуль связи у тебя в голове? Ты его установила после?

— О нет. Он появился гораздо раньше. Его тогда устанавливали всем агентам «Оплота». Идея была в том, что с тобой могут поддерживать связь в любой момент времени, в каких бы обстоятельствах ни оказался агент. У тебя голос звучал прямо в голове. А если тебе самому нужно было передать информацию, то достаточно было просто произнести это вслух, и специальный датчик считывал эти данные и передавал адресату. Кроме того, данные о твоём местоположении всегда передавались в центр. Сейчас от этой практики отказались.

— Неудивительно. Кому захочется слышать голоса прямо у себя в голове? Полная хрень. По-моему, стандартного передатчика в ухе более чем достаточно.

— Ты прав. Ирония в том, что от этой технологии в «Оплоте» было решено отказаться из-за меня.

— Как это?

— Вот из-за этого. — Беатрис снова продемонстрировала Хантеру свою левую руку. — Всё случилось как раз на этом самом задании. Дело в том, что я попала в плен к одному уроду. Он использовал ЭМИ-гранату, и моё устройство связи просто вышло из строя. Никто не ожидал, что может случиться нечто подобное, и моего исчезновения просто не заметили сразу. А когда наконец всё-таки заметили и отправили на мои поиски группу, то было уже слишком поздно. От той точки, где оборвался мой сигнал, я была уже далеко. Устройство оказалось абсолютно бесполезным. Хотя... — она вдруг горько и одновременно зло рассмеялась. — Не вполне бесполезным. Эта хрень всё-таки спасла мне жизнь...

— И каким же образом она могла тебе помочь, если сразу отключилась?

— Очень просто. Я получила удар прикладом прямо в голову. И он пришёлся точно в эту чёртову пластину. Если бы не она, мои мозги разлетелись бы по бетонному полу очень эффектно.

— Чёрт, даже спрашивать не буду, насколько хреново было оказаться в плену у этого психа.

— Возможно, если бы у меня тогда уже были аугментации, то я смогла бы за себя постоять более эффективно. Ну, или на худой конец смогла бы освободиться гораздо раньше. Если бы он, конечно, не прикончил меня сразу, как только увидел механическую руку.

— Видимо, из-за всей этой херни, что с тобой приключилась, Маркусу и удалось промыть тебе мозг и убедить в необходимости изменений.

— Точно, — Беатрис усмехнулась. — Маркус умеет убеждать. Он сам прошёл через всё это, и не раз. Знаешь, многие считают его психом. Но он просто... другой. У него своя логика, своя мораль. И он чертовски эффективен.

— Эффективен — не значит здоров, — заметил Хантер. — Я слышал, что он добровольно заменил здоровые глаза на аугментации. Кто в здравом уме на такое пойдёт?

— Тот, кто хочет быть лучше. Быстрее. Точнее. — Беатрис бросила на него быстрый взгляд. — Мы все здесь не без греха, Хантер. Я тоже заменила один глаз. Да ты сам не так давно прошёл через модификации, пускай они и носили совсем иной характер. А ведь они тоже могли быть не безопасны для твоей психики. Не зря ведь доктор Ченг держит тебя и Майка на коротком поводке. И всё же ты пошёл на это.

— Это другое. Мы должны были это сделать.

— Отчего же? — парировала Беатрис. — Ты думаешь, Маркус проснулся однажды утром и решил: «А не отрезать ли мне руку?» Нет. Его жизнь тоже подвела к этому. Про-

сто он принял решение раньше других и пошёл до конца. Он оказался в этом вопросе более радикален, чем кто-либо.

Хантер замолчал, глядя в окно. На перекрёстке их остановил полицейский патруль — двое в бронежилетах с автоматами наперевес. Беатрис опустила стекло, протянула удостоверение. Один из копов всмотрелся в документы, сверил лица, кивнул и махнул рукой — проезжайте.

— Ладно, допустим. Но где грань? До какого предела можно себя «улучшать», чтобы не превратиться в нечто... нечеловеческое?

— Не знаю. — Беатрис надолго замолчала, перестраиваясь в соседний ряд. — Наверное, каждый определяет её сам. Кто-то останавливается на протезе пальца. Кто-то заменяет полтела. А кто-то идёт дальше. Главное — не забыть, зачем ты это делаешь. И ради чего.

— Ты боишься потерять себя?

— Я боюсь не успеть. — Она сжала руль. — Бояться потерять себя — это роскошь для тех, у кого есть время. А у нас его нет.

Хантер повернулся к ней.

— А Маркус? Он не боится?

— Маркус... — Беатрис усмехнулась, но в глазах не было веселья. — Маркус, наверное, уже давно потерял счёт тому, что в нём от человека, а что от механизмов.

— Ты говоришь так, будто защищаешь его.

— Потому что есть за что. — Она помолчала. — Зна-

ешь, что самое тяжёлое в аугментациях? Не отторжение. Не боль. А головные боли. Постоянные, пульсирующие, когда кажется, что череп сейчас треснет. Мозг не хочет мириться с чужим железом. Он сопротивляется. Даже чип-ингибитор, который помогает интегрировать модификации и совершать более точные движения, не спасает полностью.

— Ты это пережила?

— И до сих пор переживаю, — призналась Беатрис. — У кого-то легче, у кого-то тяжелее. Многие ломаются. Не выдерживают и просят удалить импланты. А кто-то сходит с ума. Буквально.

— А Маркус?

— А Маркус совершил невозможное. Он прошёл полную модификацию — от глаз до костного каркаса. И не просто прошёл, а остался собой. Или тем, кем хотел стать. — Она покачала головой. — Это требует невероятной силы воли. И, наверное, той самой «лёгкости безумия», которую ты в нём замечаешь. Дался же тебе этот Маркус...

— Не он сам. Меня интересует другое.

— Что же это?

— Ты ведь так и не ответила на вопрос: какой уровень изменений для нас допустим, чтобы мы не перестали быть самими собой. Я не только о физических изменениях, но и о внутренних, которые непременно произойдут или уже произошли с нами в некоторой степени, произошли с тобой и со мной. Я говорю о проблеме самовосприятия и самоидентификации.

фикации своего «я».

Беатрис не ответила сразу. Её пальцы побелели на руле, плечи напряглись. Она медленно повернула голову и посмотрела на Хантера — долгим, изучающим взглядом. Будто хотела убедиться, что рядом с ней по-прежнему он, а не кто-то другой.

Хантер заметил это.

— Беа? Ты в порядке? Ты будто призрака увидела.

Она моргнула, тряхнула головой, снова уставилась на дорогу.

— На минуту мне именно так и показалось, — голос был ровным, но слишком быстрым. — Ты просто... напомнил мне одного старого знакомого. Он тоже любил подобные разговоры.

— И что с ним случилось?

Беатрис помолчала, глядя на дорогу.

— Его больше нет с нами, — жёстко процедила она сквозь зубы. Затем повернула руль, сворачивая на подъездную аллею. — Ладно, хватит философии. Мы приехали.

Впереди показались массивные ворота полицейского департамента.

Здание полицейского департамента встретило их запахом, который Хантер мгновенно окрестил «ароматом бессильной власти». Дешёвый кофе, сваренный, казалось, из перетёртых желудей, смешивался с едкой хлоркой и чем-то сладковато-гнилостным — так пахнут давно не проветриваемые помещения, где люди проводят слишком много времени, потеряв надежду на перемены. Серые стены, когда-то, возможно, кремовые, были покрыты паутиной трещин и следами от снятых плакатов. Даже тусклое освещение будто намеренно создавало гнетущий фон.

Полицейские даже на собственной территории, не расстающиеся с бронежилетами, одетыми прямо поверх гражданской одежды, провожали их настороженными, почти враждебными взглядами. Хантер физически ощущал их напряжение — эти люди не привыкли видеть в своих коридорах представителей «Оплота». Для них «Оплот» был чем-то вроде небесной кары: появится, всё перевернёт, виноватых не найдёт, но пару голов на всякий случай открутит. Беатрис же шла сквозь эти взгляды, как нож сквозь масло — уверенно, не оборачиваясь, не замедляя шага.

Они миновали пост охраны — будку из бронестекла, где сидел лысеющий капрал с лицом человека, давно уставшего от жизни. Беатрис молча приложила к стеклу удостоверение.

Капрал вздрогнул, подслеповато уставился на герб «Оплота», потом перевёл взгляд на Хантера, словно ожидая, что тот начнёт стрелять. Не дождавшись, он нажал кнопку, и турникет с лязгом провернулся.

— Кабинет комиссара на четвёртом этаже, — бросила Бетрис, не оборачиваясь.

Хантер не ответил. Он заметил кое-что интересное: охранник, пропустив их, тут же потянулся к терминалу внутренней связи. Предупредить О'Брайена, что гости уже в лифте. Интересно, комиссар использует эти несколько минут, чтобы собраться с мыслями или чтобы спрятать что-то в стол?

«Полицейские всегда одинаковы. Неважно, в каком городе, в каком штате. Они делятся на два типа: те, кто ещё верит, что делает что-то полезное, и те, кто давно понял, что их работа — это просто способ получить вакцину и не сдохнуть с голоду. И второй тип — это подавляющее большинство. О'Брайен, судя по его послужному списку, который я пролистал утром, — тоже из вторых. Двадцать лет в департаменте, ни одного громкого дела, зато идеальные показатели по «успокоению протестов». Такие, как он, всегда боятся двух вещей: потерять кресло и стать ненужными. На этом мы и сыграем».

Лифт остановился с дёрганым рывком — ещё одно свидетельство, что бюджет департамента урезан до предела. Двери разъехались с недовольным скрежетом. Четвёртый этаж

был немного чище — здесь обитало руководство, и уборщи- ки, видимо, всё-таки доходили до этих коридоров. Но чистота была обманчивой, как свежая краска на гниющем заборе. Под ногами всё так же лежала потрескавшаяся полимерная плитка, сквозь которую проступал ржавый металл основания, а из-за одной из дверей доносились приглушённые крики — то ли допрос, то ли просто выяснение отношений.

Беатрис остановилась у двери с табличкой «Комиссар Джеймс О’Брайен». Табличка была новая, блестящая, явно заказанная за личный счёт — резкий контраст с общим запустением. Она постучала, но не стала дожидаться ответа и просто вошла, оставив дверь открытой для Хантера.

— Комиссар, — Беатрис положила на стол своё удостоверение. Голос её звучал ровно, без тени подобострастия. — Агент Дуарте, «Оплот». Со мной агент Майерс. Мы по делу о взломанном боте.

О’Брайен поднял голову от планшета медленно, словно давая понять, что он занят и их визит — досадная помеха. Хантер мгновенно составил его портрет: мужчина лет пятидесяти, с рыжей с легкой проседью шевелюрой и густыми бровями, которые нависали над глазами, как два грозовых облака. Тяжёлая челюсть, красное лицо — то ли от повышенного давления, то ли от привычки прикладываться к бутылке по вечерам. Костюм дорогой, но сидит плохо, будто с чужого плеча. На пальце — массивный золотой перстень, явно не из полицейской зарплаты.

О’Брайен смерил их взглядом, и на мгновение в его глаза мелькнуло что-то похожее на животный страх, который он тут же замаскировал под профессиональное недовольство. Он медленно встал, одёрнул пиджак и протянул руку. Беатрис её проигнорировала, опускаясь на стул без приглашения. Хантер остался стоять у двери, скрестив руки на груди — поза, которая одновременно давала ему обзор всего кабинета и показывала, что он не нуждается в любезностях хозяина.

— Рад сотрудничеству. Присаживайтесь, — О’Брайен запоздало указал на стул, но Беатрис уже сидела. Комиссар кашлянул, пытаясь скрыть неловкость.

— Мы здесь, чтобы получить доступ к вашим серверам, — Беатрис говорила без предисловий. — Списки доступа к тому боту, журналы техобслуживания, личные дела всех сотрудников, имевших к нему доступ за последние три месяца.

— Документы? — О’Брайен прищурился. Его правая рука легла на подлокотник кресла и сжала его так, что побелели костяшки.

Беатрис молча протянула ему планшет с открытым файлом. О’Брайен взял его не сразу — помедлил секунду, будто прикосновение к устройству «Оплота» могло его замарать. Пробежал глазами по тексту, нахмурился. Хантер заметил, как дёрнулся его кадык, когда он дошёл до подписи Скиннера.

— Техник, которого подозревают во взломе, — кто он? — спросил Хантер, нарушая молчание. Он намеренно исполь-

зовал пассивный залог «подозревают», чтобы не обвинять департамент напрямую, но дать понять, что подозрения уже есть.

О'Брайен откинулся на спинку кресла, возвращая планшет. Его лицо пыталось изобразить усталую покорность, но Хантер видел, как напряжены мышцы его шеи.

— Джерри Моррисон. Работал у нас пять лет, старший техник. Хороший специалист, нареканий не имел. Но два дня назад он не вышел на связь. Дома его нет, терминал молчит, жена утверждает, что он уехал к больной матери в Олбани, но по нашим данным, он туда не добирался. Более того, его полицейский допуск не пересекал ни один пункт пропуска на Манхэттене.

— Сбежал? — уточнила Беатрис.

— Возможно. А может, и нет. — Комиссар пожал плечами. — Сейчас такие времена, что люди исчезают каждый день. Без вести. Сами понимаете.

«Сами понимаете». Классическая отмазка бюрократа. Он не врёт — он просто недоговаривает. Моррисон пропал за день до теракта, и никто не поднял тревогу? Техник с пятилетним стажем, имевший доступ к боевым системам, просто не пришёл на работу — и департамент списал его в «пропавшие без вести»? Это либо чудовищная некомпетентность, либо умышленное сокрытие. О'Брайен не похож на дурака. Значит, второе.

— Мы накладываем арест на ваши серверы с данными, —

заявила Беатрис. — До завершения расследования вся информация будет скопирована и находиться под контролем «Оплота». Оригиналы останутся у вас, но доступ к ним будет ограничен.

— Что? — Комиссар резко подался вперёд, его кресло скрипнуло. — Это неправомерно! У вас нет полномочий изымать данные из полицейского департамента без решения суда! Я буду жаловаться!

— Есть, — холодно оборвала Беатрис. Она даже не повысила голоса, но в нём появилась та самая стальная интонация, от которой у обычных людей холодело внутри. — Приказ подписан директором национальной разведки с санкции федерального прокурора. Вы можете ознакомиться с полным текстом, если сомневаетесь. Жаловаться можете в отдел внутренних расследований «Оплота» — я дам вам контакты.

О'Брайен побагровел. Краска залила его лицо от шеи до корней рыжих волос. Он перевёл взгляд на Хантера, будто искал поддержки, надеясь, что новичок окажется более сговорчивым. Но Хантер смотрел на него бесстрастно, как на экспонат в музее.

— Вы не имеете права вмешиваться в работу департамента, — процедил комиссар, уже не скрывая злости. — Это политическое давление! Вы хотите выставить нас виноватыми, чтобы прикрыть собственные провалы!

— Мы имеем право расследовать теракт, в результате которого погибли люди, — тихо, но отчётливо произнёс Хан-

тер. — Двадцать девять гражданских убито, девять полицейских погибло во время повторной активации бота, семеро ранено. И ваши люди среди них, комиссар. Или вам наплевать на своих подчинённых?

О'Брайен вскочил, опираясь кулаками на стол. Чашка с остывшим кофе подпрыгнула, и тёмная жидкость плеснула на полированную столешницу, но он этого даже не заметил.

— Как вы смеете?! Я служу этому городу двадцать лет! Двадцать лет я тащу на себе этот департамент, пока такие, как вы, отсиживаетесь в своих бункерах на Лонг-Айленде! Вы понятия не имеете, что такое настоящая работа! Что такое каждый день выходить на улицы, где тебя в любой момент могут подстрелить свои же граждане, которых вы же, «Оплот», и довели до отчаяния своими чистками!

«Он сорвался. Хорошо. Эмоции — это слабость. Теперь он скажет больше, чем собирался. Нужно только слегка подтолкнуть. Почему он так защищает Моррисона? Или он защищает не Моррисона, а себя? Что, если техник знал что-то, что могло бы уничтожить карьеру комиссара? Или — что ещё хуже для О'Брайена — что-то, что могло бы связать его с «Аколитами»?»

— Вы служите себе, комиссар, — перебила его истерику Беатрис. Её голос был как пощёчина — звонкий и отрезвляющий. — Вы боитесь не за правду, а за своё кресло. За свою пенсию. За свою вакцину. Поэтому я советую вам не мешать расследованию. Иначе следующий ордер, который я

принесу, будет на ваш арест за препятствование правосудию и, возможно, соучастие.

Повисла тишина. Слышно было, как в коридоре кто-то прошёл, и шаги затихли где-то дальше. О'Брайен тяжело дышал, сжимая кулаки, его глаза бегали по лицам агентов, словно ища лазейку. Хантер видел, как в его расширенных зрачках борются страх и ярость — дикая смесь, которая могла толкнуть человека на всё что угодно. Но О'Брайен был трусом. Хантер понял это по тому, как быстро его плечи опустились, а дыхание стало прерывистым.

— Забирайте свои серверы, — наконец выдохнул он, падая обратно в кресло. — Делайте что хотите. Но Моррисон пропал, и если вы думаете, что я ему помог, вы ошибаетесь. Я не знаю, где он. И знать не хочу.

— Мы проверим, — Беатрис встала. — И если окажется, что вы солгали нам хотя бы в одной детали, я лично вернусь и надену на вас наручники. При всём департаменте.

О'Брайен не ответил. Он сидел, уставившись в стол, и только желваки ходили на его скулах.

— Закон — это мы, комиссар, — тихо добавил Хантер, не сводя с него глаз. — Запомните это. — Он окончательно «заземлил» О'Брайена.

О'Брайен вздрогнул, но не поднял головы. Он махнул рукой — жестом, полным отчаяния и злобы.

— Убирайтесь. Технический отдел в подвале. Скажете, что я разрешил. Пусть подавятся.

Беатрис кивнула, и они вышли.

«Закон — это мы». Когда Хантер произнёс это, слова легли на язык, как что-то давно знакомое. Словно он повторял это себе много раз. Но было ли это правдой? Или он просто повторил чужую мантру, услышанную от Скиннера или Беатрис?»

— Ты заметил? — спросил он, когда они двинулись к лифту.

— Разумеется. Он знает больше, чем говорит. И он боится не только за кресло. Он боится кого-то конкретного. Или чего-то.

— Например, того, что мы найдём в логах Моррисона?

— Именно. Если Моррисон был связан с «Аколитами», то О'Брайен мог об этом знать. А мог и не знать, но покрывать его из страха, что вскроется какая-нибудь другая грязь.

— Ты думаешь, его убрали? — спросил Хантер, нажимая кнопку лифта.

— Или он убрался сам, испугавшись, что его вычислят после теракта. Но тогда он должен был бежать не к больной матери, а куда-то, где его не найдут. Олбани — странное направление для побега. Само собой, он даже не пытался туда добраться. У него стандартный полицейский уровень допуска Бета. На этом далеко не уедешь.

Лифт пришёл с тем же скрежетом. Они спустились в подвал, где их встретил запах горелой изоляции и пыли. Технический отдел представлял собой лабиринт из проводов, сер-

верных стоек и обшарпанных столов. Тощий техник в засаленном комбинезоне, с лицом, измождённым недосыпом, но с удивительно чистыми, аккуратными руками, сидел за монитором и что-то печатал.

Увидев предписание, он попытался слабо возмутиться, но быстро осёкся под взглядом Беатрис.

— Всё, что касается Моррисона, его доступов и ботов, — приказала она. — Копируйте на внешний носитель. И не пытайтесь ничего удалить — мы потом сверим контрольные суммы логов.

Техник — на табличке значилось «Л. Грин» — кивнул и принялся за работу.

Пока он возился с серверами, Хантер оглядел ряды стоек. В этих холодных машинах, гудящих и перемигивающихся огоньками, хранились ответы. Или их отсутствие. Чувство было странное: он стоял в сердце полицейской бюрократии, в месте, которое должно было быть оплотом закона, а ощущалось как склеп. Всё здесь дышало запустением. Половина ламп не горела, на полу валялись обрывки проводов, в углу стоял старый кофейный автомат с пробитым стеклом.

Вот она, реальность поддержания порядка. Департамент, который не может даже камеры починить. А мы — элита, агенты, крутые парни со спецпропусками. Кто из нас на самом деле служит обществу? Наверное, никто. Да и сама постановка вопроса весьма наивна. Люди для нас — просто ресурс, статистика. Наша задача не служить

людям, а обеспечить выживаемость нашего общества в целом, не допустить разрушения. А про служение людям пустой распинаяются политики. Это уже их работа.

— Хантер, — окликнула Беатрис, — иди сюда. Посмотри.

Он подошёл. На экране монитора был список пропусков за последнюю неделю. Имя Моррисона мигало красным — он заходил в серверную за день до теракта. В одиночку. В нерабочее время.

— Получается, он мог установить чип. Разве мы не этого ожидали?

— Мог. Но кто ему приказал? — Беатрис смотрела на экран, сузив глаза. — «Аколиты»? Или кто-то внутри департамента, кто имел на него влияние?

— Или кто ему заплатил? — добавил Хантер. — За деньги сейчас люди идут на всё.

Беатрис достала терминал, сфотографировала список.

— Копируйте всё, — повторила она технику. — И добавьте записи камер за последние две недели.

Л. Грин замаялся, отвёл глаза. Хантер сразу понял, что сейчас будет «но».

— Записей нет, — виновато ответил техник. — Камеры сломались. Сразу после того, как Моррисон пропал. И за три дня до теракта тоже... какая-то помеха. Мы списали на сбой.

— Удобно, — хмыкнул Хантер.

— У нас нет денег на ремонт! — начал оправдываться Грин. — Бюджет департамента урезали после прошлогодне-

го скандала с закупками бронежилетов. Нам даже патроны выдают по счёту! А камеры...

— Ладно, — перебила Беатрис. — Копируйте то, что есть. Если вдруг «вспомните» о каких-то резервных копиях, мы будем очень признательны. И комиссар О'Брайен тоже.

Через полчаса они вышли из департамента с увесистым зашифрованным накопителем в руках у Беатрис. Мелкий дождь, начавшийся ещё утром, теперь усилился, превратив улицу в серую, размытую акварель. Хантер поднял воротник плаща, чувствуя, как холод пробирается под одежду.

— Что дальше? — спросил он, глядя, как дождевые капли разбиваются об асфальт.

— Передадим данные аналитикам. Пусть выжмут всё, что можно. А сами займёмся поиском Моррисона. Если он жив, он где-то прячется. Если нет... — она не договорила, но Хантер понял. Если нет, то его тело — это тоже улика.

Серое небо низко нависало над городом, и казалось, что оно вот-вот раздавит всё живое. Хантер вдруг остро ощутил, что их работа — это бесконечное переливание из пустого в порожнее. Но тут же одёрнул себя: они хотя бы что-то делают, в отличие от О'Брайенов этого мира, которые только имитируют деятельность.

— Я начинаю испытывать стойкую неприязнь к полицейским, — сказал он, забираясь в машину.

— А я их всегда ненавидела, — спокойно ответила Беатрис. — Но без них было бы ещё хуже. Как ни странно. По-

ехали. Работа не ждёт.

Громада «Оплота» встретила их привычным холодным спокойствием — тем особым беззвучием, которое бывает только в местах, где слишком много оружия и слишком мало праздных разговоров. Хантер и Беатрис миновали пост охраны. Дежурный сержант, сверив их лица со сканером, молча кивнул — протоколы безопасности исполнялись неукоснительно.

— Докладывать будем вместе? — спросил Хантер, когда они подошли к лифту.

— Вместе, — Беатрис нажала кнопку четвёртого этажа. — Скиннер не любит, когда информацию подают по кускам. Лучше сразу всё. К тому же, — она бросила на него короткий взгляд, — ты ведь тоже ведёшь это расследование. Помни: ты ещё новичок. Первое дело — всегда испытание. Не расслабляйся.

Испытание, — подумал Хантер. — Звучит так, будто меня до сих пор проверяют. Впрочем, так и есть. Я обезвредил бота, спас Беатрис, но это был рефлекс, тело. А вот как я поведу себя в рутине — в допросах, в аналитике, в бюрократической возне — этого они пока не знают. И я сам, если честно, не знаю.

Лифт бесшумно поднялся. Коридор четвёртого этажа был пуст, если не считать секретаршу за стойкой — ту самую

блондинку с безупречной укладкой, которую Хантер уже видел в день присяги. Она подняла голову от терминала, и на её лице появилась профессиональная улыбка — тёплая, но абсолютно непроницаемая.

— Агент Дуарте, агент Майерс. У директора сейчас встреча. Присядьте, пожалуйста. Я сообщу, как только он освободится.

— Кто у него? — спросила Беатрис.

— Не могу сказать, — секретарша улыбнулась извиняющейся улыбкой. Ни один мускул на её лице не дрогнул.

Беатрис кивнула и опустилась на кожаный диван у стены. Хантер сел рядом. Тишина в приёмной была какой-то неестественно плотной, как будто воздух здесь сгустился. Он поймал себя на том, что машинально отсчитывает секунды по едва слышному жужжанию вентиляции.

Интересно, что за встреча. Скиннер не принимает кого попало в такое время. Если это связано с нашим расследованием, почему нас не позвали сразу? Или это что-то другое, не имеющее к нам отношения? Но тогда почему мы ждём, а не зашли?

Он покосился на Беатрис. Она сидела, закинув ногу на ногу, и спокойно просматривала что-то в своём терминале. Но Хантер заметил, как её большой палец левой — механической — руки едва заметно постукивает по бедру. Непредвиденное промедление её нервировало. Возможно, ей опять досаждали головные боли.

Прошло не больше пяти минут. Дверь кабинета открылась бесшумно — за подобными мелочами здесь следили на совесть, в отличие от полицейского департамента, где каждая дверь скрипела так громко, словно у них было негласное соревнование. Из кабинета вышел мужчина. Не высокий, но кряжистый, с фигурой человека, который много лет провёл в полевых операциях, а потом пересел в кресло руководителя. Короткая стрижка, тяжёлая челюсть, прищуренные серые глаза — всё в нём кричало о власти, привыкшей к тому, чтобы ей подчинялись. Одет он был в тёмный деловой костюм, поверх которого — чёрный кожаный плащ, старомодный, но явно бронированный.

Хантер узнал его мгновенно. Не по лицу — по посадке головы, по тому, как он двигался: слишком плавно, слишком точно, словно каждый его шаг просчитывался за доли секунды. Сайлас Вэнс, глава ЧВК «Чёрный ястреб». Один из тех людей, чьё имя редко появлялось в новостях, но чьи решения двигали целые армии. Он был буквально напичкан аугментациями — Хантер заметил золотистый отлив искусственных зрачков, когда Вэнс повернул голову, и характерное жужжание сервоприводов, когда он поправил воротник плаща. Но всё это было скрыто под безупречным костюмом, словно оружие под парадным мундиром.

«Вэнс. Здесь. В кабинете директора „Оплота“. Какие дела могут связывать Скиннера с главой крупнейшей ЧВК в стране? И почему именно сегодня, через два дня после тер-

акта? Уж нет ли здесь взаимосвязи?»

Вэнс перевёл взгляд на Беатрис. Его лицо осталось неподвижным, но в глазах промелькнуло что-то похожее на узнавание — не дружеское, скорее оценивающее, как смотрят на старый, но всё ещё работающий инструмент.

— Дуарте, — проговорил он с лёгким кивком. Голос был низкий, с хрипотцой.

— Мистер Вэнс, — Беатрис ответила ровным, абсолютно нейтральным тоном. Хантер заметил, как она чуть выпрямилась на диване.

— Рад вас видеть, — добавил Вэнс, и в его голосе послышалась едва уловимая усмешка, словно он вспомнил что-то, что было известно только им двоим.

Затем он перевёл взгляд на Хантера. Этот взгляд был иным — холодным, изучающим. Вэнс смотрел на него секунду, не больше, но Хантер почувствовал, как по спине пробежал холодок. Словно его просканировали, оценили и внесли в какую-то невидимую базу данных. Потом Вэнс развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Его шаги гулко разносились по коридору, пока не стихли за поворотом.

Хантер выдохнул. Он даже не заметил, что задержал дыхание.

Что это было? Он смотрел на меня так, будто знает. Но что именно? Или это паранойя?

— Вы знакомы? — спросил он, повернувшись к Беатрис. Она помедлила с ответом. Это была крошечная заминка,

но Хантер уловил её.

— Приходилось пересекаться пару раз, — сказала она наконец. — Давно.

— А вот я вижу его вживую впервые. Хотя, конечно, давно знаю его заочно. Что думаешь о его персоне, как он тебе?

— Эффективен, — Беатрис отрезала это слово так, будто оно объясняло всё. И, возможно, для неё так и было.

Эффективен, — мысленно повторил Хантер. — Странный выбор слова. Обычно так говорят о тех, кого не любят, но вынуждены ценить. Или о тех, на кого работали.

— Проходите, — секретарша подняла голову. — Директор вас примет.

Они вошли в кабинет. Скиннер сидел за столом, и первое, что бросилось Хантеру в глаза, — его кулак, сжатый чуть сильнее, чем требовалось для спокойной позы. Директор быстро расслабил пальцы, но Хантер успел это заметить. Пустая чашка из-под кофе стояла на краю стола — он явно допил её давно и не стал заказывать новую. Директор делал вид, что работает, но его глаза, направленные в монитор, были пусты.

«Он напряжён. Или расстроен. Или просто устал. Вэнс оставил неприятный осадок. Значит, разговор был не из приятных. Интересно, о чём они говорили».

— Садитесь, — Скиннер жестом указал на стулья. — Докладывайте.

Беатрис начала — сухо, по делу, без единого лишнего сло-

ва. Пересказала разговор с комиссаром, сообщила о пропавшем технике Моррисоне, о том, что камеры не работали, а серверы теперь под арестом. Хантер добавил пару деталей о поведении О'Брайена, когда она замолкла. Скиннер слушал, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым — маска, которую он носил постоянно.

— Значит, О'Брайен собирается устроить вам препятствия? — уточнил он, когда они закончили.

— Похоже на то, сэр, — ответила Беатрис. — Он боится кого-то. Или чего-то. Возможно, причастен сам.

— Причастность комиссара мы проверим, — Скиннер холодно усмехнулся. — Но сейчас есть изменения в вашем задании, агент Майерс.

Хантер внутренне подобрался.

— Вы снимаетесь с совместного расследования с агентом Дуарте. Отныне вы будете действовать самостоятельно.

Пауза повисла в воздухе. Хантер почувствовал, как Беатрис слегка повернула голову в его сторону, но не проронила ни слова. Она не знала о таком развитии событий, но не была удивлена.

— Вас переводят в Нью-Йорк, — продолжил Скиннер. — Там вам предоставят квартиру в безопасном районе. В ней уже подготовлено личное снаряжение, включая защищённые средства связи, оружие и доступ к городским базам данных. Ваша задача — собирать информацию об «Аколитах». Любые контакты, любые зацепки, любые слабые места. Докла-

дывать непосредственно мне. Без согласования никаких активных действий. Никаких арестов. Никакой самодеятельности.

— А как же расследование теракта? — Хантер взглянул на Беатрис, которая оставалась невозмутимой, но её молчание было красноречивее любых слов.

— Расследование продолжит агент Дуарте. Она справится. А вы переключаетесь на другое. — Скиннер помолчал, словно взвешивая, сколько информации можно выдать новичку. — Ваш брат, агент Майкл Майерс, также переводится в Нью-Йорк. Его задача — сбор информации о «Конкордате». Он уже отбыл. Вы будете работать отдельно, но в одном городе.

«Майк уже там. Значит, план был запущен до того, как мы вошли в этот кабинет. Скиннер знал ещё до нашего возвращения. Может, даже до того, как мы выехали в полицейский департамент. И Вэнс... что-то здесь не сходится».

— Сэр, — Хантер позволил себе задать вопрос, зная, что ступает на тонкий лёд, — я не совсем понимаю причину такого срочного перевода. Если это связано с моей некомпетентностью, я бы хотел знать, чтобы исправить.

Скиннер впервые за время разговора посмотрел на него прямо, не сквозь прищур, а открыто.

— Агент Майерс, — сказал он, — ваша компетентность не вызывает сомнений. Вы первый агент, которому так рано доверили вести собственное расследование. Обычно сов-

местная работа с куратором длится не менее двух месяцев. Вы справились с первым боевым столкновением. Но сейчас мне нужны глаза и уши в Нью-Йорке. Город после теракта на грани, ведь полицейские боты покинули улицы. «Аколиты» активизировались. Нам не хватает оперативной информации. Ваш профиль — сбор разведанных, а не полицейская рутина. Поэтому вы едете.

Он сделал паузу. Хантер ждал.

— Кураторство агента Дуарте окончено, — подвёл черту Скиннер. — Теперь вы работаете самостоятельно, но под моим прямым контролем. Вопросы?

— Нет, сэр, — ответил Хантер. Он понял, что дальнейшие расспросы бессмысленны.

— Тогда свободны. Агент Дуарте, задержитесь.

Хантер встал, кивнул Беатрис и вышел. Закрыв дверь, он прислонился к стене и перевёл дыхание.

Что это было? Почему Скиннер так внезапно меняет планы? И этот Вэнс... Что они могли обсуждать? Впрочем, нет ничего удивительного в том, что директор национальной разведки контактирует с главой крупнейшей ЧВК. Но совпадение по времени с моим переводом... Слишком жирный намёк. Скиннер явно хочет, чтобы я был подальше от этого расследования. Почему? Что такого я мог узнать? Или кого?

Он оттолкнулся от стены и медленно пошёл по коридору. Ноги несли его в жилой сектор, но мысли были далеко.

Беатрис не знала. Но, кажется, догадывается. Она не удивилась моему переводу. Просто приняла как данность. И этот её ответ про Вэнса — «эффективен». Она работала на него? Если да, то что их связывает сейчас? И почему Скиннер держит её рядом, если у неё такое прошлое? Может, он как раз поэтому и держит. Бывшие сотрудники ЧВК лучше других знают их методы.

Он свернул в боковой коридор и чуть не столкнулся с Астрид. Она вынырнула из-за угла с папкой в руках и, увидев Хантера, расцвела улыбкой.

— Агент Майерс! — её лицо осветилось тем самым выражением, которое Хантер про себя называл «профессиональным солнечным светом». — Какими судьбами? Я думала, вы уже на задании.

— Только вернулись, — ответил ей улыбкой Хантер. — А теперь... меня переводят в Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк? — Астрид удивлённо подняла бровь. — Вот это поворот. Поздравляю, наверное.

— Спасибо. Я сам не до конца понимаю, радоваться или нет.

— Поверьте, в Нью-Йорке хотя бы жизнь кипит. А здесь, на Лонг-Айленде, — она театрально вздохнула, — тоска смертная. Редко вырываюсь в город. Так что я вам даже завидую.

— Может, как-нибудь составите компанию? — Хантер решил, что наладить более близкие отношения с Астрид было

бы не лишним. — Я в городе никого не знаю и был бы рад знакомому лицу. Особенно такому, как у вас.

— Звучит заманчиво, — Астрид поправила папку, прижатую к груди, — но боюсь, у меня слишком много работы. Директор — человек требовательный.

— Рано или поздно у вас всё равно найдётся свободное окошко.

— Работа никогда не кончается, — она подмигнула. — Но иногда бывают перерывы. Ладно, не буду отвлекать. Удачи вам в Нью-Йорке, агент Майерс. И берегите себя.

— Спасибо, — Хантер кивнул. — И вы.

Она ушла, цокая каблуками по бетонному полу. Хантер проводил её взглядом.

А старик-то не промах. Хорошую помощницу себе подобрал. Надо признать, вкус у Скиннера есть. Что ни говори, а Астрид чертовски хороша — умная, весёлая, сексуальная. И явно знает гораздо больше, чем показывает. Интересно, в курсе ли она о том, что сейчас происходило в кабинете? Наверняка что-то знает. Неспроста ведь она его личная помощница. Такие, как она, всегда всё знают.

Он пошёл к себе, чтобы собрать вещи. В комнате было тихо. Хантер открыл шкаф, достал рюкзак и начал методично складывать немногочисленное имущество: одежду, планшет, медикаменты, запасные обоймы. Его мысли снова вернулись к разговору со Скиннером.

Итак, я переведён. Беатрис остаётся. Майк уже в городе.

Мы будем работать отдельно, но я смогу с ним связаться. Это уже кое-что. Возможно, моё присутствие здесь вызывает некие «осложнения». Но какие именно?

Он вспомнил взгляд главы «Чёрного ястреба», брошенный на него в приёмной. В этом взгляде было всё что угодно, кроме равнодушия.

Они знакомы с Беатрис. И не просто знакомы. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что она делала до «Оплота». Но пока я новичок, мне никто ничего не расскажет. Может, Майк или Винс знают? Надо будет спросить при встрече.

Хантер застегнул рюкзак, повесил на плечо и вышел в коридор. У выхода из жилого сектора он остановился. Ему хотелось дождаться Беатрис, спросить её прямо: что всё это значит? Но он понимал, что если бы она хотела, то уже сказала бы. К тому же, она осталась у Скиннера — и кто знает, какой разговор сейчас происходит в том кабинете без свидетелей.

Нет. Я не буду ждать. Если я понадоблюсь ей — она сама выйдет на связь. А пока мне нужно сосредоточиться на новом задании. Нью-Йорк — не Лонг-Айленд. Там я буду свободнее. И, может быть, этот перевод к лучшему.

Он вышел на парковку. Машина уже ждала его — точно такая же, как была у Майка. Хантер закинул рюкзак на заднее сиденье, сел за руль и запустил двигатель. Навигатор уже загрузил маршрут до новой квартиры в восточной части Манхэттена.

За пеленой морозящего дождя впереди смутно угадывались огни небоскрёбов. Город, который он видел вчера утром — пустой, израненный, но всё ещё живой — ждал его. Теперь уже не как гостя, а как охотника, играющего по чужим правилам.

Вэнс, Беатрис, Скиннер, «Аколиты», «Конкордат» — слишком много для одного дня.

Он выжал педаль газа, и машина бесшумно скрылась в серой пелене. Позади остался «Оплот» — крепость, которая стала его первым домом в новой жизни. Впереди лежал город, в котором ему предстояло найти ответы.

Квартира, которую выделили Хантеру, оказалась на двадцать третьем этаже нового жилого комплекса в восточной части Манхэттена. Район считался безопасным — по крайней мере, по меркам города, где безопасность давно стала условностью. Бронированные двери, биометрические замки, посты охраны — всё это внушало некоторое спокойствие. Но Хантер знал: в Нью-Йорке спокойствие — это просто пауза между неприятностями.

Он вошёл, закрыл дверь и несколько секунд просто стоял в прихожей, привыкая к пространству. Огромная гостиная с панорамными окнами выходила на восток — сейчас, в серых сумерках, за стеклом угадывались силуэты небоскрёбов, опутанных паутиной неработающих рекламных экранов. Спальня — минималистичная, с кроватью, которая выглядела так, будто на ней никто никогда не спал. Ванная — хромированная, стерильная. Дорогая мебель, современная техника — «Оплот» не скупился. Всё это напоминало дорогой гостиничный номер, в котором поселился человек, не планирующий задерживаться надолго.

Хантер ввёл на домашнем терминале личный код, и часть стены в гостиной почти бесшумно отъехала в сторону, открыв доступ в секретную комнату. Собственно, комнатой это небольшое помещение можно было назвать с натяжкой —

скорее, оружейный шкаф, разросшийся до размеров кладовой. Здесь он обнаружил вполне приличный арсенал: две автоматические винтовки, дробовик с помповым механизмом, несколько коробок с патронами и — отдельно, в специальном кейсе — новый экспериментальный пистолет, о котором упомянул Скиннер.

Он взял его в руку. Компактный, с гладкими обводами, сенсорная панель для идентификации владельца на рукояти и небольшой индикатор заряда. Непривычно тяжёлый для своего размера — электромагнитный ускоритель добавлял веса. Хантер выщелкнул магазин, осмотрел патроны: длинные, похожие на толстые иглы, безгильзовые, с лазерными насечками вдоль сердечника — ничего подобного он раньше не видел. Бесшумный. Смертоносный. И явно созданный без оглядки на конвенции.

«Интересно, сколько человек в „Оплоте“ вообще знают о существовании этой штуки? И почему Скиннер решил, что мне она понадобится?»

Он прицелился в стену, привыкая к балансу. Тяжёлая, надёжная игрушка. Хорошая.

Здесь же обнаружилась и одежда. Чёрный композитный бронеплащ — довольно лёгкий, но, как говорилось в прилагаемой инструкции, способный останавливать осколки и выдерживать прямые попадания из оружия малого и среднего калибра. Хантер накинул его на плечи, застегнул магнитные застёжки. Плащ сидел идеально — ткань облегла плечи, не

стесняя движений, а скрытые пластины брони распределяли вес так, что он почти не ощущался. Изготовлен на заказ. Дорогая вещь. И очень полезная.

Как вторая кожа. Интересно, сколько они заплатили за него? И главное — зачем новичку, который должен „просто собирать информацию“, такое снаряжение? Скиннер явно готовит меня к чему-то более серьёзному, чем пассивное наблюдение. А может просто старается максимально обезопасить многомиллионные инвестиции, которые уже были сделаны в мою скромную персону.

Он переоделся, сунул пистолет в кобуру под плащ, проверил, как тот сидит — оружие не топорщилось, не давило, было доступно для быстрого извлечения. Затем сел за терминал и набрал Майка.

— Ты где? — спросил брат без приветствия.

— В новой квартире. Смотрю на подарки.

— Композитный плащ и «тихий»?

— Ага. У тебя такое же?

— Один в один. Электромагнитный, с игольчатыми патронами. Я, когда увидел, чуть не присвистнул. Такое оружие — не для патрулирования улиц, брат. Это для ликвидации.

— Вот и я о том же подумал. Встретимся?

— Давай. Есть одно место в Нижнем Манхэттене, старая забегаловка под названием «Красный фонарь». Там можно спокойно поговорить.

— Через час?

— Буду.

Хантер отключился, ещё раз проверил пистолет и вышел.

Улицы вечернего Манхэттена встретили его привычной моросью. Дождь здесь, казалось, никогда не прекращался — он просто менял интенсивность, переходя от мелкой взвеси к тяжёлым струям и обратно. Редкие прохожие привычно жались к стенам зданий, пряча лица в воротники. Над головой, в сером небе, проплыл полицейский дрон — один из немногих, оставшихся на службе после того, как все боты были отозваны с улиц. Наверное, этих решили оставить просто потому, что они были абсолютно безоружны. Их задачей было простое наблюдение. Он лениво просканировал Хантера, опознал в нём допуск «Альфа-1» и скрылся за поворотом, чтобы искать более подозрительные цели.

«После теракта ботов убрали. Значит, полиция теперь патрулирует улицы живыми людьми. Надолго ли их хватит?»

Бар назывался «Красный фонарь» — и своё название он оправдывал с лихвой. Вывеска, имитирующая старый неон, отбрасывала багровые отблески на мокрый асфальт у входа. У дверей мялся охранник — здоровенный детина с татуировкой в виде змеи на шее и парой кастетов на поясе. Он окинул Хантера ленивым, оценивающим взглядом и посторонился. Второго такого же “плаща” он, видимо, видел здесь совсем недавно.

Внутри было шумно, накурено и на удивление людно.

«Красный фонарь» оказался заведением не маленьким — несколько просторных залов для посетителей расходились веером от центральной барной стойки. Бильярдные столы в дальнем углу, старомодные игровые автоматы с кислотной подсветкой у стены, небольшая сцена, на которой сейчас никого не было, и длинная барная стойка красного дерева, за которой хозяйничал бармен.

Контингент посетителей был под стать заведению — пёстрый, опасный, живой. За одним из столов компания, косившая под байкеров в кожаных куртках с нашивками, что-то бурно обсуждала, размахивая руками. Когда один из них потянулся за кружкой, рукав куртки задрался, и Хантер заметил на запястье татуировку — букву «А», вписанную в круг. Парень тут же одёрнул рукав, но было поздно: он уже выдал себя. За другим столом — двое типов в деловых костюмах, явно не из этого района, пили что-то тёмное из низких стаканов и старались не привлекать внимания. У игровых автоматов столпилась большая компания молодых людей. Несколько продажных женщин лениво перемещались между столиками, пытаясь впарить свои потрёпанные прелести хоть кому-нибудь из здешних завсегдатаев. Одна из них — высокая, с волосами, выкрашенными дешёвой светящейся краской в неестественно яркий розовый, — проводила Хантера долгим, оценивающим взглядом.

В углу, спиной к стене, сидел Майк. Перед ним стояла дымящаяся кружка с кофе. Хантер проскользнул между столи-

ками и сел напротив.

— Хорош райончик, — сказал он, кивая на компанию, в которой только что засветился «аколит». — Прямо центр культурной жизни. Ты специально выбрал бар, где тусуются те, на кого мы охотимся?

— Зато здесь можно спокойно поговорить. Никто не обращает внимания. Здесь каждый занят собой. — Майк отхлебнул кофе. — Новые стволы проверил?

— В квартире не стал. А ты?

— Опробовал в подворотне. Пустое здание, крысы, идеальный полигон. Бьёт метко, почти бесшумно. Но привыкать нужно — нет отдачи, и звук странный, будто кто-то щёлкает пальцами у тебя над ухом. А патроны видал? — Майк понизил голос. — Они стальные, с лазерными насечками и сердечником внутри. От такой штуки стандартный броник не спасёт. А если брони нет вовсе, то при попадании в тело они раскалываются на фрагменты, образуя эффект «внутренней гранаты», где каждый осколок идёт по своей траектории.

— Звучит круто, но ты как будто недоволен?

— А тебе самому не кажется, что такое оружие не вполне гуманно? Мягко говоря. Я понимаю, мы на войне. Но такая пуля не просто убивает — она превращает внутренности в фарш. Это оружие не для боя, Хантер. Это для казни.

Хантер помолчал, разглядывая свои руки.

— Оружие создавалось не для того, чтобы нести в мир гуманность и доброту, — сказал он тихо. — И ты это знаешь.

Но я понимаю, о чём ты. Просто... не забивай себе этим голову. Сейчас это наш инструмент. А как мы его используем — решать нам.

Майк кивнул, хотя в его глазах всё ещё читалось сомнение. Он отодвинул кружку и подался вперёд.

— Слушай, — он понизил голос, — что ты думаешь о нашем переводе?

Хантер оглянулся по сторонам. Компания с татуировками всё так же шумела, некоторые уже перешли к обсуждению чего-то на повышенных тонах. Никому до них не было дела.

— Скинули с глаз долой. Скиннер явно не хочет, чтобы мы с тобой совали нос в одно и то же дело.

— Или хочет, чтобы мы были ближе к городу, где «Аколиты» и «Конкордат» чувствуют себя вольготно. Чтобы собирали информацию.

— Может быть. Но меня другое беспокоит. — Хантер снова оглянулся. — Ты видел Вэнса?

— Нет. А что?

— Он выходил от Скиннера, когда мы с Беатрис ждали приёма.

Майк замер.

— Вэнс? Глава «Чёрного ястреба»? Здесь? В «Оплоте»?

— Собственной персоной. Напичкан аугментациями под завязку. И он узнал Беатрис. Они обменялись парой фраз — она назвала его «мистер Вэнс», а он её «Дуарте». Как старые знакомые. При этом она, — Хантер сделал паузу, — напряг-

лась. По-настоящему. Я раньше не видел, чтобы она так реагировала на кого-либо.

Майк помолчал, крутя кружку в руках. Кофе в ней давно остыл.

— Я навёл справки, — сказал он наконец. — Неофициально. — Он достал планшет, открыл какой-то файл. — Бетрис когда-то работала на «Чёрного ястреба». Более того, она была в команде Вэнса. Лично под его началом. А потом вдруг — ни с того ни с сего — перевелась в «Оплот». Как такое вообще возможно? Как бывшего головуреза-наёмника могли взять агентом?

Хантер присвистнул.

— И Скиннер знает об этом? Не может не знать!

— Скорее всего. Он же каждого агента отбирал лично. Но зачем ему нужен бывший оперативник Вэнса? И зачем он держит её при себе? Это же всё равно что пригреть змею. Или... — Майк осёкся.

— Или он держит её, чтобы контролировать, — закончил Хантер. — Если она работала на Вэнса, она знает многое. Слишком многое. И Скиннер, возможно, держит её рядом, чтобы эти знания были под рукой. Как козырь.

— Тоже вариант, — кивнул Майк. — Но это значит, что между ними есть какая-то договорённость. Или долг. Или что-то ещё, чего мы не знаем.

— Постой-ка, — Хантер вдруг осёкся. — А как тебе вообще удалось навести справки? Ведь информация об агентах

засекречена, и даже наш уровень «Альфа-1» не даёт нам допуска к этим данным.

Майк усмехнулся — впервые за вечер.

— Пришлось как следует попотеть. Напрямую к досье агентов мне доступа нет — они прикрыты наглухо. Зато информации по «Чёрному ястребу» — целый вагон. Старые файлы, внутренние отчёты, списки оперативников. Они не так тщательно защищены, как наши. И вот там наша дорогая коллега упоминается не единожды. Конечно, все эти данные косвенные, но сомневаться не приходится.

— Для меня это, конечно, неожиданно, но не могу сказать, что я удивлён, — задумчиво проговорил Хантер. — Все агенты, которые сейчас есть в распоряжении Скиннера, раньше уже кем-то были. Винс, например, служил в «Дельте», а потом в спецназе «Оплота»...

— Это другое, — резко перебил его Майк. — Спецназ — это армия. А «Чёрный ястреб» — это наёмники. Люди, которые убивают за деньги. Не за страну, не за идею — за контракт. Я не хочу работать в одной команде с теми, кто вчера мог стрелять в наших солдат.

— Винс тоже убивал за деньги, когда служил в «Дельте». Просто деньги назывались «жалованием».

— Не сравнивай. — Майк покачал головой. — Я в «Оплоте» на два месяца дольше твоего, и у меня была возможность пообщаться с другими агентами. И я скажу тебе так — мне не нравится кадровая политика, которой придержи-

вается Скиннер.

— Жажду подробностей, — ухмыльнулся Хантер.

— Мне удалось откопать информацию об ещё одном агенте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.